

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир СВЕРЖИН

От создателя
«Института
экспериментальной
истории»

ТРАКТИР
«РАЗБИТЫЕ НАДЕЖДЫ»

Трактир «Разбитые надежды»

Владимир Свержин

Трактир «Разбитые надежды»

«ЭКСМО»

2013

Свержин В.

Трактир «Разбитые надежды» / В. Свержин — «Эксмо»,
2013 — (Трактир «Разбитые надежды»)

ISBN 978-5-699-64874-0

Два напарника-побратима Леха и Миха прошли Обряд Призыва и стали настоящими бойцами. И пусть их наставник, Старый Бирюк, не всегда ими доволен, драться Леха с Михой горазды. Еще бы, ведь отныне им предстоит сопровождать караваны, пересекающие Дикое Поле. А в Поле что ни день — новая напасть: то разбойники, то волкоглавые зверолоуды, а то и вовсе невиданные твари. И каждый норовит разжиться если не чужим барахлом, так кровушкой. Впрочем, на всей Земле, в давние времена пережившей масштабную катастрофу, не осталось места, где можно было бы не опасаться за себя и своих близких. Хотя ходят слухи о некоем трактире с мрачным названием «Разбитые надежды»...

ISBN 978-5-699-64874-0

© Свержин В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Свержин

Трактир «Разбитые надежды»

Пролог

Старый Бирюк из-под насупленных бровей зыркнул на Леху с побратимом. Обряд Призыва – долгожданный переход из юнцов в мужчины – уж руку дней, как прошел. А их (лучших из лучших!) учитель грубо ткнул жестким пальцем в грудь и прогнал прочь из строя. Сдавленные смешки прочей малорослой братии звучали им вслед. То, что сдавленные – дело ясное: всякий знал, что, спаянные кровным обетом, Леха-Миха здоровы драться: спиной к спине, хоть бы вся морда в крови, хоть и впятером навалиться – не одолеть! Бывает, упадут, встать не могут – хоть зубами в пятку, да вцепятся.

У Старого Бирюка в любимцах ходили. Даже за частокол уводил их, в Дикое Поле, куда и взрослый мужчина по доброй воле не сунется. А они ходили, и по три дня ни слуху ни духу. Учил там чему – кто его знает? Сами Леха-Миха о том молчали, сколько ни выспрашивай. Только ссадины и шишки выдавали, что не простые то были прогулки. И вот, на тебе, – попер из строя, как сопливых мальчишек, обманом затесавшихся.

Старого Бирюка в селении не любили, но побаивались. Да и он не горел желанием с кем-то дружбу водить. Жил себе на отшибе, что ел, что пил – неведомо, у других не просил и сам не потчевал. Никому не ведомо, откуда он явился. Но не в том суть. В селение когда-то всякий откуда-то, да пришел.

Тот День, похоронивший старый мир, всех согнал с места, вынудил бежать, спасаться, бросить все нажитое, уйти в горы и там сбиться в кучи в ожидании, пока схлынут огромные волны, оставившие после себя размытую, искореженную, неизвестную землю.

А Старый Бирюк пришел не так давно. У прочих и отцы здесь выросли, а этот... Веяло от него, как ввевшимся дымом, опасностью. Кряжистый, угрюмый, смотрел, точно гвоздь вдавливал, а уж бился – поселяне о том зареклись и вспоминать.

Появился он, точно вышел из дождя, соткался из свинцовой тучи, зацепившейся за близкую Грядку, соорудил из жердей и шкур бог весть каких зверюг хижину. Быстро соорудил. Связал наверху длинные шесты, накрыл шкурами, внутри костерок развел, натянул подвесную лежанку – и готово жилье. Чтоб у кого спроситься, перед старостой голову склонить – это ни-ни. Точно не в соседи напросился, а весь мир собой осчастливил. Мужики ему того не простили. Ишь ты! Пришел чужак – никому ни здарсьте, ходит молча, всех чурается, ни ремесла за ним, ни кому подмоги – лишний рот на воду. Сговорились отколотить да изгнать пришлого. Вдесятером навалились. Вернее, хотели навалиться. Собрались, пошли к хижине. За полночь собрались, скрытно. Шли тихо, крадучись! А этот вдруг будто из-под ног вырос, и ну их швырять да тумачков отвешивать. Когда в себя пришли, Старый Бирюк у своего неказистого жилища сидел да похлебывал из жестяной банки какое-то варево. На лице ни злобы, ни усмешки, будто и не разметал по большаку здоровых мужиков. Так, сидел себе, воздухом дышал. А деревенские встали молча и поплелись домой, как побитые шавки. С той поры с чужаком примирились, как с несчастными уже, хвала Ноллану, зелеными дождями, от которых, если ты в здравом уме, надо что есть духу мчаться в какое-никакое укрытие – иначе вся кожа язвами пойдет.

Но скоро и для пришлого дело нашлось: обучать малолеток, готовить их к великому дню – Обряду Призыва. Другого такого мастера, поди, не сыщешь. У него любой кол в руках страшнее автомата, если вблизи. Пройдет, где хошь, к камню прильнет – не отличишь, во дворе спрячется – не найдешь. Пусть уж лучше так воду обрабатывает, чем селянам набок скулы воротить.

Всякий мальчишка ждет Обряда с нетерпением – еще бы: стать настоящим мужчиной, отправиться в Бунк, взять в руки не дреколье, а боевое оружие, стать частью той силы, которая дает безопасность и покой всему предгорью – большая честь! Только хлипкие калеки останутся по домам обузой для родных. Их удел – женские работы: пахать, ткать, ходить за скотиной, а если и на то неспособен – останешься без еды и сдохнешь с голоду, туда и дорога!

Зато всякий мужчина, уходящий в Бунк – благословение рода. За него и железный инструмент дают, и блестящие плащи от зеленых дождей, лекарства и еду хорошую привозят – награда за выращенных сыновей. Там, если повезет, и ремеслу обучат, после службы в отчий дом вернешься, сможешь полезным общине быть, на хлеб и соль зарабатывать. А с той поры, как начал Бирюк мальцов школить – куда боле прежнего давать стали. Многие после десяти лет обязательной службы насовсем в Бунке остались – тоже польза: своих-то, поди, не забудут. Немало и в станицах осело – надежная защита от свирепой мрази – раздольников и вечно голодных мутантов. А и те, что вернулись, не раз Старому Бирюку спасибо говорили. После его муштры все нипочем.

И вот теперь вывел учитель Леху-Миху из строя, да и отослал прочь. Едва глянул, только буркнул под нос: «Ночью придете». Как ни ругались, ни хмурили брови побратимы, досадую и чуть не плача от унижения, послушаться наставника не посмели. Пришли к хижине за полночь, тихо, как он учил, приблизились: ветка не дрогнула, травинка не шелохнулась. Казалось, и самого легкого вздоха не слышно – ан нет: только шкуру, что вход закрывает, тронули – за спиной голос: «У стены лежат, берите». Оглянулись – прислонены к шесту два полных мешка. Подняли – так и есть, камнями набиты. «Что застыли? На спину, и бегом марш!»

Леха сжал кулаки. Вечно Старый Бирюк каверзу придумает. И чего ради? Завтра уже могли с остальными в Бунк ехать. Там, глядишь, были бы не из последних. Кулаки сжал, а спорить не стал. И побратим его вскинул на спину мешок, хекнул от тяжести и побежал, и Старый Бирюк рядом с ними, с таким же мешком. Не гляди, что виски белые, из молодых с ним ни один не сравнится. Долго бежали, до самой Гряды.

У подножия, на сыпuxe, Бирюк остановился, ткнул пальцем на вершину холма: «Туда забирайтесь». Миха рот было открыл, спросить зачем, да так и захлопнул, перехватив тяжелый взгляд.

Бирюк, словно так и надо, спиной к ученикам повернулся, в обратный путь нацелился; лишь через плечо кинул: «Воду я вам по ночам сюда приносить стану. К исходу четвертой ночи оно будет».

Глава 1

Лешага критически оглядел переправу. Поваленные стволы деревьев, перетянутые веревками из лыка, неровно опирались на обветшалые, кое-где полуразрушенные каменные устои – безмолвный подарок смытой в Тот День цивилизации. Огромные волны прокатились тогда по континенту. Старики рассказывали: «Тридцать волн ударили одна за другой и смыли почти все, что стояло на пути».

Возможно, когда-то эта река не просто разделяла сушу на правый и левый берега – радовала глаз и давала воду для питья. Проклятье! Много воды, достаточно, чтобы напоить огромное количество народу! Лешага и представить не мог, насколько огромное.

Теперь эта буро-зеленая жижа несла в себе смертельную опасность. И как только чешуйчатые от нее не дохнут? Он еще раз поглядел вперед. На дальнем берегу разбивающегося о камни удушливо-смердного потока волнистой линией рисовалась череда пустынных холмов. Лешага прежде уже бывал в этих местах. Невысокие, в три-четыре человеческих роста, валы, покрытые серполистом и колючим, оставляющим гнойные раны кустарником, тянулись вдаль, сколько видел глаз. Неприютный край.

Но если все же решиться и удачно найти лаз, можно оказаться внутри невесть кем сооруженного жилища и вернуться с богатым уловом. Счастливым, проникавшим в полые холмы, в награду иногда доставались целые россыпи патронов и вполне пригодные к делу стволы. Но можно было и не вернуться совсем.

Непонятно, почему древние строили так, но, ясно, это их рук дело. И спросить-то некого. Даже Старый Бирюк, который Дикое Поле исходил и всего повидал, и тот наставлял, что от таких мест лучше держаться подальше, того и гляди, нарвешься на засаду чешуйчатых. А он знал, что говорил.

Лешага услышал за спиной шорох и немедленно развернулся на пятке, уходя с линии возможной атаки. Развернулся – метательный нож уже в руке.

– Тише, тише! Свои!

Караванщик медленно развел руками. На нем тускло поблескивающий серебром защитный костюм – предмет зависти многих. Задранный на лоб маска воздухоочистителя придает купчине вид бывшего обитателя Дикого Поля. В такой амуниции и зеленый дождь нипочем, и в Гадкую Пустошь можно сунуться. Вон, амулет на груди висит. Как почувствует, что место гиблое и дальше лезть нельзя, так сперва зачирикает, а потом и завершит: мол, уходи отсюда, хозяин, поскорее. А хозяин-то от силы второй-третий раз караван водит. Тоже мне, землеоп.

– Чего стоим, Лешага?

– Место нехорошее, – буркнул страж, возвращая нож в закрепленные у запястья ножны. – Засада может быть.

– Может быть, а может и не быть, – караванщик скривил губы. – Нам до начала торга нужно успеть. До Катинбунка путь неблизкий.

– Неблизкий, – подтвердил страж, – по-дурному лезть будем, совсем коротким станет.

– Чешуйчатых испугался?

Леха представил себе тех, о ком говорил караванщик. В прежние времена, еще до Того Дня, предки их, поговаривают, тоже были людьми, но мало ли чего болтают. Двуногие, покрытые, точно панцирем, чешуйчатой кожей неопределенно-грязного цвета, едва ли не с пятью десятками острейших зубов в пасти, эти твари казались начисто лишенными разума, лезли порой, не разбирая опасности. Но уж дорвавшись, сжирали все, до чего могли дотянуться. Они не проявляли ни особой сноровки, ни воинской хитрости, но порою довольно ловко управлялись с оружием.

– Пустое говоришь, – отвернулся Лешага. – Забывать о них не стоит. Бояться тоже. Бойцы они никакие, но с огнестрелом. Охота под их пули лезть?

– Так что ж теперь, на торг не идти? Я, как ты и велел, своего человека послал глянуть – все тихо.

– Тихо, говоришь? – воин усмехнулся.

Три руки дней назад караванщик нанял его с побратимом на торжище у Петробунка довести караван до Серединного хребта. Дороги туда всегда были опасны. Еще бы: для раздольников самый что ни на есть сладкий кус. Вон, по дороге сюда рыл тридцать их в землю сложили. В последнее время и вовсе от них житья не стало. Что-то здесь недоброе творится. На торжище сказывали, где-то в этих местах нитки¹ исчезают. А потому охранников караванщик взял с собой немало. И двуногих мулов-водоносов, и погонщиков. Большая нитка, далеко слышать.

По мнению Лешаги и его побратима, толку от них всех чуть: шумные, суетливые. Охранники только и годятся – следить, чтоб кто из водоносов с бурдюками не сбежал. Но и то сказать, куда бежать? Дикое Поле вокруг! А как для побратимов, лишние люди – лишние рты. Впрочем, это не их ума дело, им не за то платят.

– Мой человек, как ты и говорил, все тщательно осмотрел, по кручам прошелся. Тихо, следов нет. Даже кора на деревьях, если и содрана, то подзараста успела.

Ученик Старого Бирюка покачал головой. Разведчик, видимо, был из служивых, эти кое-что в деле разумели. Каждому, ходившему в Дикое Поле, было известно, что в голодную пору чешуйчатые обрывают кору с деревьев, выскабливают ее изнутри, делают похлебку или сушат, мелют в муку и пекут лепешки на раскаленных огнем камнях. Но то, что кора не ободрана, еще ни о чем не говорит. Разве только о том, что зверье в этом краю не перевелось, и чешуйчатые, ежели сидят тут, то не больно оголодавшие. Лешага покачал головой.

– Нельзя здесь идти, опасно.

Он замолчал, не слушая больше возмущенных речей караванщика. Хоть бы и десять раз тот повторил, что дорога чиста, опасность была растворена в воздухе. Леха чувствовал ее резкий кровавый запах.

– Вон, напарник твой скачет.

Леха кивнул.

– Вижу.

– Да как же ты видишь, спиной же стоишь?

– Что с того?

Бурый спрыгнул с лошади.

– Ниже по течению переправы тоже нет. По всему видать, река вздулась и старый мост снесла. На выстрел от берега луж видимо-невидимо, вода совсем недавно ушла.

– Значит, надо строить мост или перевоз. – Лешага повернулся к караванщику. – Прикажи своим людям...

– Новый мост? Да ты с ума сошел! Ты посмотри на реку, мы и в руку дней не управимся.

– Если канаты есть, перевоз быстро наладим, в три дня уложимся.

– Три дня потерять?! Да три дня в моем деле год кормят! Пока я до Катинбунка этак доковыляю, наших там уже будет – не протолпиться! Весь товар по бросовой цене придется отдавать.

Леха дернул плечом.

– Зато живой будешь. Нельзя идти.

– Братко правду говорит, – заметил Бурый. – Там в верховье мост смыло, а здесь стоит как ни в чем не бывало.

Караванщик вспыхнул.

¹ Нитка – сленговое название каравана. Тянуть нитку – вести караван.

– Я нанял вас защищать караван, вот и защищайте! Нападут чешуйчатые – убейте! А торчать у Пустых Холмов, воню дышать по вашей милости – ну уж нет! Мы начинаем переправу. Езжайте вперед.

Бурый поглядел на побратима. Тот вздохнул, тронул пятками конские бока и снял автомат с предохранителя.

* * *

Лезть на гору с полным вещмешком камней – дело непростое. Спина вмиг покрылась синяками еще во время бега, и сейчас каждое движение отдавалось резкой болью. Стоило уцепиться за малейший выступ, поднять руку, предательская ноша сразу перекашивалась и тянула вниз. Еще немного – и поминай как звали, ухнешь с высоты на каменную осыпь, а проклятый вещмешок прилетит в голову, чтобы закончить мучения.

Леха сцепил зубы, костеря на чем свет стоит Старого Бирюка и его науку. «Неверный шаг – последний шаг», – пронеслось у него в голове. Он глянул на Миху. Тот пыхтел, загребая руками скатывающиеся камни, пытаюсь нащупать уступы скалы. Сил ему не занимать, огромный вырос, рука, как молот. На прошлом торжище жердь на плечи забросил, за нее четверо здоровых мужиков уцепились, а он их на спор так раскрутил, что те удержаться не смогли, под общий гогот аккурат в лужу приземлились.

Но зато Леха куда сноровистее. «Совсем выжил из ума Старый Бирюк», – вдруг подумал мальчишка, чувствуя острую, как шило, жалость к себе. – «Убьемся, точно, убьемся! И за что он нас так?» Пальцы скользнули по круглому окатышу, принесенному когда-то океанской волной и, точно пуля из пращи, застрявшему в склоне. «Убьемся!» Окатыш поддался и вывалился из стены, едва не зацепив парня по плечу. Тот отстранился совсем чуть-чуть, как его учил Старый Бирюк – на толщину клинка, и камень ушел вниз, дробно стуча по сыпухе.

«Ишь ты, сработало, – Леха успел зацепиться кончиками пальцев за край дыры, оставшейся после камня. – Сам не успел заметить, как сработало». Это чудесное спасение обрадовало его так, что он заулыбался. Непристойно, конечно, для взрослого мужчины лыбиться, но ведь сработало! «Нет, Старый Бирюк ничего просто так не сделает. Раз сказал лезть, значит, точно знает, что так надо, что мы с Михой сможем. Другие не смогут, а мы сможем». Он вспомнил, как наставник водил их в предгорные завалы еще до снега. Привел в какую-то пещеру, кинул на пол пару лепешек да флягу с водой и оставил, не говоря ни слова, а выход из пещеры камнем привалил.

Уж они с Михой тужились-тужились отвалить валун – куда там! Так четверо суток в темноте и просидели. Но только вскоре после ухода наставника ученики заметили, что мрак в пещере вовсе не такой непроглядный, как сперва казалось. А к исходу четвертого дня, когда Бирюк вернулся, они и вовсе видели во мраке, точно днем. Воспоминание придало сил. Задача, пусть и нелегкая, больше не казалась невыполнимой, страха и жалости к себе как не бывало. Он скосил глаза на Миху.

– Наперегонки?

Вершина Гряды была длинной, шагов пятьсот, и узкой. В самом широком месте можно проскочить в два прыжка. Ветер носился вспугнутой птицей, свистя, пробирая холодом до костей, заставлял по ночам стучать зубами, трястись, будто в лихорадке. Днем к этому прибавлялась новая, куда более мерзкая напасть: большущие черные клювастые твари, то и дело норовившие атаковать незваных гостей. В первые минуты, увидев людей, они переполошились, но затем, сообразив, что бескрылые чужаки еще и безоружны, стали с клетотом носиться вокруг, растопырив когтистые лапы, высматривая удобную цель и выжидая, когда можно будет рхнуть камнем на затылок нелепо прыгающей и размахивающей руками добыче.

– Так мы их не отгоним, – опускаясь на камень, процедил Леха. – Надо что-то придумать.

– Что?! – раскрутив над головой снятую рубаху, крикнул Миха, едва не запнулся о лежащий на земле вещмешок, отскочил и вновь замахал, закричал, отгоняя крючконосых птиц, жаждущих крови.

– А вот что, – Леха рывком выдернул нож, плохонький, не мужской, – заточенная железная полоса в кожаной оплетке, но уж какой есть, лиха беда начало. Всякий свободный человек должен иметь при себе нож, как без него? Выхватил и в два быстрых движения отрезал лямки от вещмешка. Сплел из завязки небольшую корзинку, связал воедино, положил в получившуюся пращу камень – спасибо тебе, Старый Бирюк, подумал о том, что юнцам было невдомек – раскрутил неказистое оружие, отпустил один из концов.

«Фьють!» – черная птица с перебитым крылом, гневно заорав, рухнула вниз.

– Ага! Вот так-то лучше! Давай, Миха! Я их пока от места отважу, и ты не плошай!

Побратим начал быстро развязывать мешок.

– Братко, у меня тут горячий камень.

* * *

Вереница телег, возов, груженных мулов теснилась у переправы. Люди, все до одного, глядели на спускающихся с холма проводников. Лешага окинул взглядом охрану. После выхода с торжища, по вечерам, едва составив возы в круг, он пытался обучить это плохо вооруженное сборище действовать вместе, подобно сжатым в кулак пальцам. Такая жесткая школа добавила ему почтения, но все так же собранное с бору по сосенке мужичье всякий раз терялось, услышав команды, суетилось, мешая друг другу. Из всей охраны лишь человек шесть, прошедших некогда службу в Буйках, могли считаться боеспособными, остальные же... Караванщик, как всегда, поспешил нанять олухов из дальних селений, до которых совсем недавно добрались поисковые отряды Северного Центра.

– Слушать меня! – жестко объявил Леха, с тоской озирая воинство. – Мы идем первыми. Повозки через мост движутся по одной. Следующая заезжает только после того, как предыдущая окажется на том берегу. – Он ткнул пальцем в сторону холмов. – Мулы следуют с дистанцией в десять шагов. Охранение, – он перевел взгляд на ждущую команд толпу, – на противоположном берегу двигайтесь по распадку между холмами. Меж вами шесть полных шагов, друг друга из виду не теряйте, в случае атаки прикрывайте. Смотреть в оба, холмы опасны, возможна засада. Вы, тремя двойками, – Лешага повернулся к стоящим чуть поодаль бывшим солдатам, – вместе с господином караванщиком остаетесь у моста в резерве. В случае необходимости, ударите во фланг атакующим. Стрелять одиночными, только на поражение. Всем слушать команды, рты не разевать, действовать быстро и четко, как я учил.

«О чем я говорю?! Кому?! Пустые слова!» – вздохнул он про себя. И лишь кивнул Бурому:

– Вперед.

Переправа тянулась, как время до обеда, а распадок все больше и больше заполнялся людьми, повозками и вьючными животными. Но, словно в насмешку над терзавшими стража мрачными предчувствиями, все было тихо. Подозрительно тихо. Вот уже и последние водоносы перешли по шаткому бревенчатому настилу, лишь сам караванщик и шестеро его охранников остались на том берегу. Сейчас перейдут, и можно двигаться дальше. Вот первый из них ступил на мост, за ним второй. «Такое удобное место для засады, а все тихо, – подумал Лешага. – И ни одного чешуйчатого. Куда ж они подевались? Ох, недоброе место!»

И тут, словно кто-то подслушал его мысли, мост с грохотом вздыбился посередине, разлетаясь в щепы. В тот же миг холмы точно оскалились десятками разверстых пастей – отвалились в сторону растопырившие ветки шипастые кустарники, и огромными червями из-под вывороченных корней полезли... Не чешуйчатые, совсем нет. Странные твари, порождения

ужасных снов, отдаленно напоминающие людей, но значительно крупнее, со свирепым оскалом острейших клыков. Низкий скошенный лоб, глазки-щелочки, а зыркают, точно примериваются, как вытянутые по-волчьи челюсти на горле сомкнуть.

Леха удержал взвизгнувшего на дыбы коня и вскинул автомат к плечу. Выстрел, еще один. Два мчавших с холма чудовища повалились в цепкий серполист с простреленными головами.

– Отступайте к возам! – скомандовал ученик Старого Бирюка. – Прикрывать друг друга, из виду не терять!..

Пустая затея. Насмерть перепуганные охранники палили невесть куда, а то и вовсе бросали оружие и падали на землю, прикрывая голову руками. За спиной слышались хлопки автомата Бурого. Можно не сомневаться, каждый выстрел сносит одного из зверолодов. Но рев все ближе. Взбешенные отпором волкоглавые не замечали потерь, они рвались вперед, чтобы растерзать в клочья попавшихся на пути всадников. Уже совсем близко. Удар пламегасителем в глаз одному, прикладом в носопырку другому... Человек после такого лежал бы в глубокой отключке, а может, и вовсе бы скovyрнулся. Зверолод лишь мотнул головой и ринулся на Лешагу. Тот вздыбил коня, удар копытами в грудь свалил чудовище на землю, но следующая тварь успела обхватить горло скакуна, зажав его железной хваткой. Лешага всадил ей в затылок один из метательных ножей. Тварь рухнула, не разжимая мертвой хватки и заваливая коня. Лешага едва успел соскочить и выхватить мачете.

Он уже был не здесь – словно парил над битвой, наблюдая происходящее с высоты и атакуя выбранную жертву. В упоении рубил протянутые руки, ноги, тела, головы подвернувшихся под его клинок зверолодов. Легко, словно танцуя, уворачивался от их загребущих лапищ, заставляя монстров сталкиваться лбами и убивая с неистовой радостью. Он видел, чувствовал, как наносит удары Бурый – вроде бы легко, точно отмахиваясь от злого слепня, но с неимоверной быстротой и силой. Лешага знал, каждый такой удар легко может проломить грудную клетку, сломать позвоночник, порвать мышцы, раздробить кость.

Пожалуй, сейчас Старый Бирюк гордился бы своими любимыми учениками. Вот еще удар мачете, капли крови, во все стороны брызнувшие из глубокой раны. Лешага развернулся, пропуская мимо себя падающее тело, и увидел Его.

Он был совсем мал ростом, едва ли по плечо стражу. Руки двумя плетями безвольно свисали вдоль тела, лишь большие глаза на его лице, водянисто-голубые, почти совсем прозрачные, бесчувственно, но пристально глядели прямо в мозг, да что там глядели, впивались двумя раскаленными иглами. Леха замер, скорчился от боли, не в силах отвести взгляд. Как-то вдруг сразу пропало упоение битвой. Он больше не видел ее, как, впрочем, не видел и оскаленных морд рядом. Лишь эти глаза. Леха словно погружался, задыхаясь, тонул в них. Пальцы разжались, выпуская мачете. Рукоять ударила по ноге, но он не почувствовал боли. Волна панического ужаса, ледящего кровь, сковывающего руки и ноги, накатила, обдавая мертвенным холодом с головы до пят. Страж напрягся, пытаясь вдохнуть, и... отлетел в сторону.

Зрение снова вернулось к нему. Он увидел, как сбивший его с ног Бурый с ревом бросился на странного человечка, на ходу пытаясь вскинуть автомат. Видно, не судьба. Еще миг, и он уже на земле, бьется в конвульсиях, держась обеими руками за голову, и безвольно затихает, не в силах двинуться. Животный ужас подхлестнул Лешагу не хуже бича надсмотрщика. Вторым метательным ножом он резанул под колено ближайшего волкоглавого и, вскочив, бросился прочь. Бежал, не разбирая пути, мчал, стараясь исчезнуть, спрятаться от собственного впившегося между лопатками страха, неведомого прежде и оттого еще более нестерпимого.

Мертвенный взгляд огромных пустых глаз преследовал его, точно гарпуном засев в сознании. Не обращая внимания на серполист и шипастый кустарник, Лешага бросился на холм. Он не знал, как долго мчался прочь от битвы, звуки ее уже не были слышны, но страх гнал и подстегивал, будто все зверолоды в округе пытались разорвать его, слабого и беззащитного, абсолютно беспомощного.

Узкая щель показалась на склоне одного из холмов меж корнями раскидистого куста. Леха бросился к ней быстрее, чем успел понять, что делает. Протиснулся, ища укрытия, чтобы хоть на мгновение перевести дух.

«Все, жизнь кончена! Жить больше незачем! Я бежал с поля боя! Бурый... – Он попытался вновь почувствовать побратима, как сотни раз делал это прежде. Нет, бесполезно. Только эта тухлая нора и свисающие над головой корни. – Все, больше уже ничего не будет. – Он вспомнил о зажатом в кулаке метательном ноже. – Вот сейчас вбить его рукоять в землю, поднять голову и броситься горлом на клинок, чтоб уж наверняка. Так будет лучше для всех. Никто не узнает. Никто?! – Лешага почувствовал на себе пристальный взгляд и медленно повернул голову. – Проклятье! Чешуйчатый!»

Глава 2

Старый Бирюк говорил ученикам: «Глаза врут. Учись видеть, не глядя». При этих словах он наносил короткий удар ножом в грудь очередному юнцу. Тот, как его и учили, блокировал атаку, и тут же рукоять ножа утыкалась ему в горло. Никто и заметить не успевал, как Старый Бирюк в начале атаки перебрасывал оружие из руки в руку и бил уже с противоположной стороны.

«Почувствуйте врага, слейтесь с его движением. Если надо, станьте его тенью. Запомните, если вы дадите себя убить, значит, противнику ваша жизнь нужней, чем вам. Научите голову сражаться с головами врагов. Тело должно само знать, что ему делать и когда. Разбудите его».

Ученики глупо хлопали глазами, пытаясь вникнуть в суть речей наставника, а его раздражала непонятливость поселян. Он смотрел на замерший строй холодно, говорил с неприязнью, едва расцепляя зубы, точно видел перед собой ходячие куски мяса, назначенные на убой. Впрочем, так оно и было.

«Когда вам нужно погадить за кустом, – цедил он, – вы не ждете указа старосты, портки сбрасываете. А здесь и подавно думу думать не к чему – выжить и победить важнее, чем не обгадиться. Это ясно, пни стоеросовые?»

Ученики молчали, опасаясь кивать. У Старого Бирюка все просто. Ясно? Значит, действуй! А там – не почувствовал, не разбудил тело, нож рукояткой вперед может и не развернуть. Порезет неглубоко, но мало не покажется. Неясно? Дело твое, уползешь домой весь в синяках.

Лишь для двоих, Лехи и Михи, речь Старого Бирюка звучала настоящей музыкой. Ловили каждое слово. Потом, уже после того как научил «любимчиков» видеть в темноте, наставник вволю покуражился, пока они не приобрели нужную, по его мнению, чувствительность: то по лбу зарядит посреди разговора, так, вдруг, ни с того ни с сего, то камень в спину кинет ни за что, ни про что, то железным прутом по ногам огреет... К концу занятий и вовсе ножи метал. Да только к тому моменту для Лехи и Михи это почти игра была, словно и не отточенный засапожник в них летел, а кто-то неспешно с усилием двигал вперед кусок железа, сжимая шар плотного воздуха, окружавшего их. А ведь какое там «неспешно»?! Старый Бирюк, не задумываясь, мог пригвоздить к дереву падающий лист.

Вот и сейчас Лешага не столько увидел – почувствовал взгляд, идущий откуда-то сбоку и снизу. Желание свести счеты с жизнью немедленно улетучилось.

«Только и ждут, гаденыши, пока я схохну. Притаились, не торопятся. Сожрут и еще радоваться будут – вот так удача, ужин сам приполз! Нет уж, тому не бывать!»

Он начал энергично протискиваться в глубь потайного лаза. В одном месте дерн подался вниз. Так и есть – покрытая землей плетенка. Он с силой надавил на импровизированную крышку люка и буквально провалился в довольно просторную хижину. Света там не было, но и без него Леха тут же заметил четверых уродцев. Ближайший держал в руках стрелялку – простейшее устройство, собранное из двух труб, одна в другой. В нижнюю часть вделан гвоздь. Вставил патрон с зарядом из мелко резанного металлического прутка, резко сдвинул, и – бабах! Коль стоишь близко, дырок в тебе будет не счесть.

Лешага стоял близко, но противник, на его взгляд, действовал так медленно, что он успел бы еще воды испить. Однако медлить не стал. Правой рукой выдернул стрелялку из рук врага, левой зацепил его за корявый затылок и, поворачиваясь, с силой послал лбом о стену. Чешуйчатый врезался в камень, откинулся назад и осел без чувств. Воин стремительно развернулся, намереваясь разрядить в ближайшего людоеда трофейный самопал. Трое чешуйчатых, тихо подвывая, жались в углу, пытаясь закрыться руками от неминуемой гибели. Ученик Старого Бирюка уже вскинул стрелялку к плечу, привычно ощутив, как напряглись, вытянулись в струнку спина и отведенная назад левая нога, когда услышал сдавленный женский голос:

– Не надо, умоляю!

От неожиданности Лешага опустил неказистое оружие. Чешуйчатые, атакуя, издавали громкие истошные вопли, порою рычали, шипели, щелкали зубами, но Леха никогда ни от кого не слышал, чтобы они разговаривали. И не просто разговаривали, а на его языке.

Страж застыл, соображая, что ему делать. Весь его опыт требовал однозначно: уничтожить немедленно, не дать шанса противнику.

«Не оставляй врагов за спиной», – учил его опыт. «Жалеть врага – не жалеть себя», – говорил Старый Бирюк. Но эти трое выглядели настолько слабыми и ничтожными, что сознание отказывалось считать их настоящими врагами.

– Вы кто? – наконец спросил он в темноту и мысленно упрекнул себя за столь нелепый вопрос. Кто-кто? Ясное дело – чешуйчатые.

– Люди, – раздалось из угла.

– Не убивайте, – послышался еще один сдавленный женский голос. – Мы последние, наших здесь больше нет. Прорвы убили всех. У нас тут дети.

– Дети, – повторил Лешага, кривя лицо. «Враг может быть хитер и коварен, – звучали в его голове слова наставника. – Если он слаб, покажет, что вовсе бессилён. А когда ты отвернешься, вонзит в спину нож». «Впрочем, – воин поморщился, – разве несколько мгновений назад я не хотел собственноручно перерезать себе горло? Лучше погибнуть в бою, пусть даже и с чешуйчатыми, которые почему-то именуют себя людьми».

– Простите, – опять раздалось из угла, – вы убили Марата?

– Кого?

– Марата, нашего охранника.

Лешага сделал шаг в сторону и ткнул лежащее тело носком под ребра. Чешуйчатый застонал.

– Живой.

– Прошу вас, будьте человеком, не надо его убивать.

Прозвучавшая фраза заставила его криво усмехнуться.

– Это мне быть человеком? – он забросил стрелялку за плечо. – Сидите тихо, не велика корысть на вас патроны тратить. Ишь, придумали: «быть человеком». Вы себя-то видели?

– Спасибо, что напомнили о нашей беде. Иначе мы бы подзабыли, – одна из жавшихся в углу женщин, осмелев, выпрямилась и шагнула вперед. – Конечно, видели. Если бы ваши предки жили здесь, когда с неба посыпались ракеты, сделавшие воздух оранжевым на целых семь дней, вы бы ничем сейчас не отличались от нас.

– Какие ракеты? – Он вспомнил, как Старый Бирюк объяснял ему устройство нехитрой установки, что-то вроде заклепанной трубы с пороховым зарядом, такое можно запускать с треноги лафета. При удачном попадании такой ракеты можно поджечь дом. Но сделать небо оранжевым на целых семь дней? – Это что же, в Тот День?

– Нет, еще до него.

– До Того Дня? – переспросил Лешага, подумав, что ослышался. Старики в селении рассказывали, что, по словам их отцов, прежде была счастливая жизнь: много света, хорошая еда. Это уж потом волны смели все на своем пути, и не осталось никого, разве что в горах и в бунках, да и то не во всех. Поисковики, возвращаясь из рейдов, рассказывали о затопленных водой подземельях – подобные объекты представляли особую ценность для командования. Возле них устраивались колонии, куда сгоняли толпы «двуногих мулов», отловленных в селениях по краям Дикого Поля. Шутка ли – вычерпать целое озеро воды, да еще почти вручную? Должно быть, чешуйчатые путают.

– Это волны убили всех, кто не смог или не успел спрятаться, – буркнул Лешага. – А чешуйчатые научились жить в воде.

– Нет, все не так. Сюда волны почти не дошли. Они разрушили город и схлынули. Но из-за волн поднялась река. Большая часть города осталась затопленной. Она сейчас там, на дне. А здесь был нагорный район.

– Зачем ты рассказываешь? – недовольно взвизгнула из угла одна из женщин. И тут же перешла на язык степняков. Лешага не говорил на нем, но узнал слово «зверь». Многие ловчие охотники на двуногих мулов были из степняков, а уж этой-то братии он в своей жизни повидал немало. В другой бы раз он, может, и разозлился – какие-то чешуйчатые смеют называть его зверем! Но сейчас лишь хмыкнул. Ему было плохо. Да нет, просто омерзительно. Он словно не чувствовал половины себя. Зато взгляд пустых водянистых глаз манил, притягивал, точно зовущий омут. Лешага спиной ощущал, как тянет его к себе это странное существо. Он быстро оглянулся и вновь увидел невзрачную фигуру с обвисшими бессильными руками. Лешага отпрянул, дернулся вперед, женщины в углу взвизгнули, решив, что незванный гость собрался расправиться с ними. Но тот остановился и ошеломленно поглядел вокруг, будто впервые видя комнату и ее обитателей.

– Страшно? – вдруг спросила его недавняя собеседница.

– А ну, тихо! – рыкнул Лешага.

– Это Пучеглазый? – точно не услышав его, спросила чешуйчатая, и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Пучеглазый очень страшный. Прорвы хоть и свирепые твари, а у него ходят, как на привязи. Кого он увидит, тому не жить.

– Цыть! – повторил Лешага, но без прежнего нажима. Он чувствовал, как в горле его собирается жесткий, точно покрытый собачьей шерстью комок, перехватывает дыхание. Нет, на этот раз не от страха, но он и сам не мог сказать, от чего. Надо было отдохнуть, перевести дух, решить, что делать дальше. Не сидеть же остаток дней в этой дыре с чешуйчатыми.

– Лучше расскажи о Том Дне. Что ты знаешь о нем?

– Погоди, – женщина сделала шаг в сторону и остановилась, неуверенно глядя на собеседника. – Позволь, я уйду. Скоро вернусь.

– Не вернешься – я убью всех. Вернешься с оружием или подмогой – я убью всех. Тебя первую.

– Нет ни оружия, ни подмоги, – горько вздохнула чешуйчатая.

– Хорошо, иди. Я сказал.

Ее не было ровно столько, чтобы Лешага начал чувствовать раздражение. И его раздражение ощутили обитатели подземного схрона. Он поглядел на Марата. Тот уже очнулся и сидел, обхватив колени руками, у стены.

– Уже? – заметив взгляд, отозвался чешуйчатый. – Позволь, я встану, не хочу умирать, скрючившись, как будто я боюсь смерти.

– Сиди. – Лешага отвернулся. Юнец действовал ему на нервы.

– Она придет, – заверил Марат.

Словно услышав разговор, в комнате появилась давешняя чешуйчатая. Она держала в руках большую яркую книгу. Лешага даже в темноте отлично видел, что она яркая.

– Тут наш город. Таким он был до Того Дня. – Она развернула принесенное сокровище. Лешага удивленно расширил глаза. Книги сами по себе были драгоценны, за каждую из них на торжище можно было получить по весу патронов к автомату. А за некоторые – даже выменять коня. Когда в детстве в школе их учили грамоте, на весь поселок имелся от силы десяток книг, и учитель, выложив перед собой заветный, как он говорил, «источник знаний», вызывал учеников к себе, приучая узнавать буквы с той же легкостью, что и зверя по следу. За книгами снаряжались отряды из Бунков во все обнаруженные селения. Любой из копателей, промышлявших в Диком Поле, числил подобную находку истинным кладом.

Эта книга была необычной. В ней было совсем немного слов, зато картинок – аж захватывало дух. Синее-синее небо, такое высокое, что казалось бездонным. Ученик Старого Бирюка

не мог поверить глазам. Даже в те редкие дни, когда серая дерюжина облаков не висела, касаясь Гряды, небо казалось едва голубым, словно проглядывающие под кожей вены. А здесь – огромные белые дома, окруженные зеленью раскидистых деревьев, широкие дороги, странные разноцветные повозки, улыбающиеся лица, какие-то очень красивые строения. Над некоторыми виднелись кресты, над некоторыми полумесяцы.

– Вот, смотрите, – она указала на одну из широких дорог. – Это наша улица. Вот мост, а это – наш дом.

Леха поглядел на нее с сомнением, прикидывая, что, должно быть, оранжевый туман сильно повредил мозги предков этой несчастной. Как только можно представить, что этот высокий, в целых пять этажей, домище может быть норой в холме, поросшем серполистом? Он собрался было оборвать поток несусветной чуши, когда взгляд его пал на мост. Воин медленно выдохнул через сжатые губы. Ну да, количество и форма устоев те же. Значит, распадок между холмами – это улица?! А сами холмы – ушедшие под землю дома?!

– Не может быть, – прошептал он, словно прогоняя невероятную очевидность.

– Как тебя зовут? – спросила опешившего воина смелая чешуйчатая.

– Лешага, – не отрывая взгляда от картины, буркнул тот.

– А меня Зарина. – Она улыбнулась, оскаливая ряд клыков, которые смотрелись довольно устрашающе на покрытом темными чешуйками лице.

Лешага перевернул еще несколько страниц, а затем вдруг, неожиданно для самого себя, похвастался:

– У меня тоже есть картинка.

...Память вернула его на несколько лет назад. Вершина Гряды, продуваемая ветрами, мечущиеся языки костра в выдолбленной, буквально выцарапанной яме. Над огнем можно хоть немного согреть руки, заставить кровь прилить к пальцам, дальше ее уже проще разогнать по телу. Прыгай, кувыркайся до изнеможения, отработывай с Михой технику схватки без оружия. Так и голод унять легче, и согреться. Но к концу третьего дня голод уже кишки в такой узел завязывает, что куда там прыгать – встать сил нет. А не встанешь – окоченеешь. Как поднимались – и сам не мог понять.

Четвертая ночь подкралась на мягких лапах, так, что и не заметили. Да они уже ничего не замечали. Понять бы, в каком мире находишься. Слово нет ни Гряды с ее длинной, узкой, будто коровий язык, вершиной, ни ветра, пронизывающего до костей. Ничего. Леха пытался вернуть сознание на землю, даже руку почти сунул в огонь, но все впустую. Не понять уже, где верх, где низ. Мир вокруг качается, зыбкий, полный неясных пляшущих теней.

Леха видел себя окруженным какими-то незнакомыми людьми, все они смотрели на него, указывали пальцем, но не прикасались. Иногда протягивали руку, и он чувствовал, как чуть заметно колеблется воздух. А затем людей сменили чудовища, иногда знакомые, вроде огромных псов, иногда и вовсе ужасные, каких в прежнее время он и представить себе не мог. Стоял тогда, не шелохнувшись. Вокруг щелкали пасти с длиннющими клыками, шипели змеи, и яд стекал с их зубов; сгущавшиеся из мрака десятипалые мохнатые лапы тянули к нему острые когти, а он все стоял, не двигаясь, неведомо как сообразив, что сейчас лечь или даже сесть – это сдать. Тогда-то все эти клыки, ядовитые зубы, когти, клювы вонзятся в него и растерзают в единый миг.

И он стоял, чувствуя, как, изгоняя накативший было страх, из глубины сознания поднимается неистовое радостное возбуждение. Какими смешными и нелепыми показались ему вдруг эти призрачные хищники. Он хохотал, и смех его эхом отдавался в равнине. И в этот миг появился он: крылья его в размахе были уж никак не меньше Лехино роста, пучки длинных перьев над выпуклыми глазами, крючковатый, точно стальной, клюв, загнутые когти на коротких лапах. Обмерший в первый миг юноша сам не понял, почему обрадовался новому видению, шагнул навстречу ему и почувствовал, что птица как будто с размаху врезалась в него

и... слилась с ним воедино. Он скрючился от острой боли, точно кто-то, проникнув внутрь него, начал по-хозяйски обживать, расчищая себе место. Боль пронзила каждую клеточку, каждый нерв. Леха взвыл. И вдруг чья-то сильная рука встряхнула его за плечо.

– Очнись, Лешага!² – рядом как ни в чем не бывало стоял хмурый, как обычно, Старый Бирюк. – Чего скулишь? – и, словно забыв о воспитаннике, пошел дальше к стоящему на четвереньках Михе. – Вставай, Бурый!

Тот обвел вершину ошалелым взглядом, словно недоумевая, как вообще здесь очутился.

– Вот, – Старый Бирюк ткнул пальцем в два узелка, лежащих у кострища. – Там лепешки и мясо. Только ешьте по чуть-чуть, иначе кишки в узел завяжутся. Вода во флягах, выживете. Попусту не плещите. – Он повернулся, собираясь уходить.

– А мы? Что нам делать? – спросил Лешага, отчего-то вдруг ощутив, что прежнее имя кажется ему глупым детским прозвищем, что оно теперь связано с ним не более, чем опавшая листва с голым деревом.

– Ступайте, – буркнул Старый Бирюк. – Мир широк, вы готовы по нему идти.

– Но как же?.. – начал было ученик.

Старый Бирюк остановился, точно предвидел вопрос.

– Что мог, я передал. – Он вдруг подошел к замершим в ожидании юношам. – Вот, смотрите. – Он вытащил из-за пазухи кожаный мешочек и достал маленькую картинку в выдавшей виды жестяной рамке. На фоне заснеженных гор в светлом дворе неведомого роскошного здания, выставив одну ногу вперед, летел человек в небывало яркой одежде. Другие люди, облаченные так же, смотрели на него с почтением, сжимая в руках диковинное оружие. На постаменте из желтоватого камня, полная молчаливого величия и покоя, красовалась высеченная фигура какого-то странного человека с длинными ушами. – Мой учитель передал мне эту реликвию, выпуская в свет. Теперь я – вам. Это Шаолинь. Там живут мудрые люди, они знают и умеют куда больше моего. То, что я смог узнать и передать – лишь капля осеннего дождя в сравнении с озером их познаний. Найдите их. Я не смог. Все.

Лешаге показалось, что голос Старого Бирюка звучит как-то необычайно мягко, точно и не наставник, а отец говорит с ним.

– Ну, что застыли? Ступайте!

* * *

– Вот, это Шаолинь. – Лешага, замаявшись, расстегнул ворот защитного костюма и стащил с шеи висевшую на шнурке реликвию.

Зарина поглядела на протянутое сокровище. Он сам недоумевал, зачем показывает чешуйчатой сокровенный дар учителя.

– Я знаю, – вдруг произнесла женщина, глядя на него.

– Знаешь? – у Лешаги перехватило дыхание.

– Да. У нас есть книга о нем. Только она на другом, непонятном языке. Погоди, я сейчас принесу.

² Лешага – местное название ушастого филина на севере России. Этимологически также связано с именем лешего.

Глава 3

Беспроглядная ночь висела над развалинами, упрятыми под землю, поросшую шипастым кустарником. Гнетущая тишина холодила душу. Лешага сидел на замшелом валуне на том самом месте, где еще совсем недавно кипел бой. Сейчас только измятая жестколистая трава, усеянная множеством кривых зацепок-серпов, да пятна крови на ней еще помнили о недавней схватке. Ни возов, ни мулов, ни водоносов, ни охраны, только эти быстро впитывающиеся в сухую землю пятна. Наступит день, и даже на траве, сухой, как вяленая рыба, их будет уже не разглядеть.

Леха сидел, обхватив колени руками, как давным-давно в детстве, когда школьный учитель, присланный из Бунка в их селение, рассказывал страшную историю о волнах, пришедших из далекого, сумеречного моря. За считанные часы они преодолели путь, который обычный караван делает за пять, а то и шесть рук дней. Впрочем, тогда люди двигались быстрее, он сам видел сегодня на картинке их странные безупряжные повозки. Учитель рассказывал и о каком-то оружии, от которого вырастали ужасающие огромные грибы; а потом, когда такой гриб умирал, образовывалось пропащее место на полдня, а иной раз на день пути вокруг. Те, кто жил там, пропадали, точно уносились в дым. От иных и пепла не оставалось. Амулеты же, как тот, что был у караванщика, там начинали возбужденно стрекотать, предупреждая хозяина о близкой опасности.

Лешага еще не удосужился раздобыть себе такую полезную штуковину, однако на всякий случай сторонился Гиблых Пустошей с чересчур буйной растительностью. Кто на зелень ту позарится, долго не проживет. Говорили, стоит только посидеть там, и либо совсем детей не будет, либо, если появятся, то родятся уродцами. Старый Бирюк говорил, что такая злая поросль обычно разводится как раз в пропалинах, где прежде вытягивался под самые небеса тот самый чудовищный дымный гриб.

О том, что от таких мест следует держаться подальше, Леха и сам знал. Однажды, минув стороной такие нехожие буераки, своими глазами видел двухголовую змею, почуял ее, притаившуюся на ветке, услышал шорох, ощутил полный голодной ненависти взгляд и в одно движение пригвоздил гадину к толстой ветке метательным ножом. Но лишь одну голову, вторая еще долго извивалась, шипела, пытаясь дотянуться до врага. На всякий случай он даже не стал ее есть. Убрался, и нож вытащить поостерегся, кто ее знает... Не ровен час!

При этом воспоминании воин почувствовал, что давно не ел, открыл поясную сумку и бросил в рот скатанный из жира шарик с порошком сушеных кореньев. Таким не наешься, но на какое-то время голод отступит и сил добавится.

«Интересно, – вдруг подумалось ему, – когда ж ему светит следующая нормальная еда?» До ближайшего Сарая еще дня три пути. В караване продовольствия было запасено с лихвой, но все досталось прорвам. При мысли о них у Лешаги зануло между ребрами и свело зубы от холодной ярости.

Вся жизнь теперь коту под хвост! Вернуться в родное селение? Побитой шавкой, без добычи, без побратима? Стать посмешищем для одних и пугалом для других? Да ни за что на свете! Дома никто не ждет. Ушел в Дикое Поле – к родному очагу возврата нет. В лучшем случае, как Старый Бирюк, прийти со своим шатром в чужедальний край, где никто о тебе слыхом не слыхивал, да приютиться на отшибе, авось приживешься. Быть может, добрести как-то до ближайшего торжища и снова наняться в охрану каравана? Поопасаются взять. Слава их с Бурым в Диком Поле уже давно укрепилась, а тут, на тебе: приполз без коня, без оружия, без побратима...

Лешага в который раз попытался отключить охваченный горечью разум и почувствовать Бурого. Сколько он помнил, это всегда с легкостью удавалось. Друга он ощущал как соб-

ственные руки и ноги. А тут вдруг точно отшибло. Старый Бирюк учил, что даже при самой страшной, даже смертельной ране, пока связь меж побратимами крепка, один другого может поддержать, собственной живою силой из лап смерти выдернуть. Леха и рад бы сейчас Миху вытянуть, да ни живым его не ощущал, ни мертвым. Просто наваждение какое-то!

Он быстро оглянулся, будто ожег его между лопаток холодный безжизненный взгляд того, которого местные жители называли Пучеглазым. Оглянулся и вновь увидел Его не далее, чем в трех шагах. Тщедушная фигурка, бессильные руки и пронзительный, леденящий кровь взгляд огромных глаз. Казалось бы, разве это противник для настоящего бойца? Одной рукой такому голову свернуть, как нечего делать. А уж таких бойцов, как Леха, в Диком Поле поискать!

Так, да не так. Шарахнулся воин, ушел в кувырок, выдергивая из закрепленных на предплечье ножен отточенный клинок. Мгновенный короткий взмах... Лешага потряс головой. Беззвучная угрюмая ночь висела над грядой Пустых Холмов, и только ночная птица надсадно орала в далеком лесу, призывая рассвет.

«Что за ерунда?» – под нос себе пробормотал ученик Старого Бирюка и, переведя дыхание, начал вглядываться в спящую округу особым взглядом, который обрел после той достопамятной четвертой ночи.

Поблизости никого не было. Лишь чешуйчатые сгрудились у своей норы. Под покровом темноты вывели подышать семерых детишек, спасенных от недавнего погрома. Еще раз внимательно осмотревшись, Лешага расширил круг поиска. Ночь не была для него помехой, наоборот, все предметы виделись куда отчетливей, чем днем, а слух улавливал малейшие колебания воздуха. Леха почуял едва заметный след прорыв. Они уходили в сторону восхода, шли быстро, оставляя на дороге кучи дерьма, вокруг которых тут же начинала копошиться мелкая живность. Увидел он и караванщика. Тот улепетывал в противоположную сторону, к торжищу, мчался, с оставшимися тремя охранниками, загоня коней, позабыв себя от ужаса.

К гадалке не ходить, к завтрашнему утру опомнится и, как доберется до места, виноватым объявит его: не уберег, мол, караван, завел в засаду, а может, и вовсе в сговор с тварями вступил.

Злая молва хуже змеиного яда. Недругов у побратимов хватает, и завистников не счесть. Чего и не было, припомнят, а что было – так извернут, что не узнаешь. Так. На торжище можно не ходить. Раз каравана нет, а сам живой, стало быть – вражий пособник. Может, с раздольниками в сговоре, а может, сам на чужое добро позарился. Если заподозрят, что с дикой братией связался, рассусоливать не станут, на честный бой не вызовут, издали пристрелят. На каждом торжище такие стрелки есть, их из Бунков для того и присылают: лучше убить десятерых невиновных, чем пропустить одного опасного.

«Может, и правда, к раздольникам податься?» – мелькнула шальная мысль, но он отбросил ее брезгливо. Да и... скольких злобных выродков он убил в схватках и после перевешал. Нет, в шайки ему дороги нет. Коли скопом не прикончат, то как-нибудь втихаря еду или питье отравят.

Теперь одна дорога – к трактиру «Разбитые надежды»! К месту, куда уходят помирать старые караванщики и проводники; где можно продать добычу и узнать новости из дальних краев; где можно нанять стражей и отыскать стрелка; где, как говорят, знают все обо всех, где можно найти...

Леха встрепенулся, отгоняя уносящие невесть куда раздумья. От холма к распадку двинулся чешуйчатый. Он шел практически беззвучно, но не для Лешаги.

– Что тебе нужно, Марат?

– Экий ты, – юнец удивленно мотнул головой, – за сколько шагов услышал!

Лешага пропустил мимо ушей незамысловатую похвалу. Не рассказывать же случайному знакомому, что, едва тот двинулся от норы в его сторону, мозг уже воспринял и адекватно оценил полученную информацию. Была бы заметна хоть малейшая угроза, хоть бы и намек на

нее – лежал бы, пожалуй, сейчас чешуйчатый с ножом в горле. На всякий случай, мало ли что взбредет ему в голову.

– Мы тут... – Марат замялся, – ну, в общем, мы хотим нанять тебя.

– Нанять меня? – усмехнувшись от неожиданности, переспросил Леха.

– Ну да. – Голос чешуйчатого окреп. – Ведь ты же страж, охраняешь караваны?

– Охранял, – скривился воин.

– Мы должны уходить отсюда, – вновь заговорил Марат. – Ниже по реке, в четырех днях пути, есть большое селение. Там наших больше двух тысяч. Мы решили нанять тебя, чтобы ты довел нас, детей, и все добро, что мы сможем унести, в то самое место. Мы готовы тебе заплатить.

– Чем же? – с интересом уточнил Лешага.

– Книгами. Больше у нас ничего нет. Стрелялка и так у тебя. Могу добавить к ней десяток патронов. Если согласишься, конечно. Десять патронов к стрелялке и пять книг на твой выбор.

– Семь. И эту, которую Зарина принесла. – Леха вытащил из-за пояса том в яркой обложке, на которой два человека в оранжевых легких одеяниях вели поединки какими-то диковинами, то ли копьями, то ли странными мечами с очень длинной ручкой. Завораживающая таинственной силой книга, множество картинок, в том числе с изображением боевых техник, знакомых по урокам Старого Бирюка. Какие-то портреты непонятных людей с прищуренными, точно от яркого солнца, глазами, виды заветного Шаолиня и... бесконечное множество каких-то неведомых значков, палочек, закорючек. Вот бы действительно найти этот Шаолинь, стать учеником, носить такие же яркие одежды... Леха мотнул головой, отгоняя пустую мечту. Как бы то ни было, эту книгу он не собирался отдавать никому, но еще семь в довесок – немалое богатство.

– Соглашайся, – продолжал увещевать Марат. – Все равно, куда бы ты ни шел дальше, нужна будет еда, а тем более – вода. Сам же знаешь, в этих местах ее совсем мало. Клянусь, если привезешь детей, в поселке дадут тебе вдоволь и того, и другого.

– Тут как бы самого не съели, – криво усмехнулся Лешага, – в виде праздничного ужина!

Марат, дотоле оживленно жестикулирующий, замер, точно обледенев. Лехе показалось, что в землисто-сером цвете чешуи его собеседника проступил багровый оттенок. Тот замолчал надолго. За это время можно было дойти вновь до лаза и обратно.

– Да, – наконец выдавил юнец, – мы едим трупы. Мы не хотим этого, не любим. Это противно. Однако порой нам попросту больше нечего есть. После оранжевого тумана, висевшего тут семь дней, земля очень надолго перестала родить. И рыба в реке почти вся перевелась. Ты сам видел, здесь был большой город. После разлива реки, убившего всю нижнюю его часть, после ядовитых дождей, выжил едва ли каждый сотый. Запасы еды, все, какие удалось найти, закончились менее чем за год. Уходить было некуда. Везде, насколько это было нам известно, происходило то же самое, иногда и еще хуже. Мы вымирали. За прошедшие годы земля немного очистилась, пригодных в пищу растений стало больше, и кое-где даже начало появляться мелкое зверье. Мы делали силки, ловушки, и нам было чем питаться. Но когда у нас не осталось выбора... Когда начало казаться, что жизнь налаживается, сюда пришли волкоглавые, так ты их называешь? Вчера, когда нагрянул Пучеглазый с прорвами, так мы называем зверолодов, нас тут насчитывалось больше полутора сотен. Теперь, сам видишь... – он замолчал. Лешага глядел на него со смешанным чувством жалости и брезгливости, но теперь вдруг это чешуйчатое, одетое в рвань существо показалось ему отражением его самого. Бесприютное, лишенное ясного пути и смысла жизни. Леха, непонятно отчего, вдруг ощутил раздражение от нахлынувшей слабости, от того, что вдруг почувствовал себя виноватым. Подумать только, виноватым перед чешуйчатым!

– Хорошо, – буркнул он, – собирайтесь, чуть свет выступаем.

* * *

Семеро детей, мелких, ему не выше пояса, жались к своим воспитательницам, с опаской глядя на чужака. Высокий, широкоплечий, с угрюмо наклоненным вперед лбом и взглядом, точно высматривающим, куда половчей нанести удар, – он и впрямь был страшен. Пройдя мимо женщин, Лешага приблизился к тюкам, заплечным мешкам, связкам книг, лежащим чуть в стороне.

– У вас есть повозки?

– Нет, – ответил Марат.

– Мулы?

– Откуда бы? – юнец, похоже, начинал злиться.

– Тогда кто это все понесет? – ученик Старого Бирюка перевел взгляд на женщин и мелко кочу, жмушкуюся к их ногам.

– Но вы же такой сильный... – начала одна из них.

– Стражи не носят грузов. – Лешага с презрением отвернулся. – Руки всегда должны быть свободны.

– Но здесь же все ценное, – робко возразила Зарина.

Леха хмыкнул, поднял за ляжку один из заплечных мешков, в нем что-то звякнуло.

– Перепаковать. Сложите все плотнее, тяжелое вниз, легкое вверх. Все, что может звенеть, кладите порознь и оборачивайте тряпками. Воду не забыли?

– Полные бурдюки.

– Это хорошо. Провизия?

– На руку дней хватит, если понемногу, – отозвалась Зарина. Лешага скривился: в походе сил нужно куда больше, чем если сидеть в норе, а уж таким ходакам, как чешуйчатые, и подавно. Женщины молча принялись за работу.

– И чтоб не звенело! – напомнил воин. – Как говорится: кто тихо идет, далеко дойдет.

– Тише едешь, дальше будешь, – забывшись, поправила Зарина. – Имеется в виду, что если не спешить, можно достичь большего.

– Действовать нужно без спешки, но быстро, это верно, – глядя на жуткого вида существо, посмеявшее ему перечить, согласился Леха. – Но не в том дело. Тот, кто идет тихо, не привлекает лишнего внимания, вот в чем суть. А внимания нам привлекать не следует. Не ровен час, прорвы опять нагрянут, что делать будем?

– Умирать, – со вздохом констатировала одна из воспитательниц, обнимая жавшегося к ней мелкого страшилу.

– Э, нет, – страж еще раз глянул на «караван». И зачем только он с ними связался?

– Марат, ко мне, бегом! – горе-охранник не заставил повторять. – Сам видишь, – начал Лешага, – этаким стадом нам не дойти. Если в верховьях переправу снесло, не сегодня завтра сюда раздолбники пожалуют, да и прорвы вряд ли ушли далеко, могут вернуться.

– Да что им здесь делать?

– Караваны как-то переправлять нужно, – пожал плечами Лешага. – Устои старого моста целы, заново настил положи и жди гостей – место для засады отменное. – Он вдруг задумался. Не в первый раз ему доводилось тянуть нитку в Катинбунк. Чаще по старой переправе, выше по течению. Но и в этих краях однажды ходил. Тогда пришлось неподалеку перевоз ладить, моста не было. А тут его вдруг кто-то настелил, а затем взорвал.

Он вспомнил прорв. Тяжести на таких перетаскивать в самый раз – пожалуй, и древесный ствол в одиночку этакая тварь утащит. Но кто-то же приказал им сделать это, организовал строительство переправы, и главное, в нужный момент смог разрушить деревянный настил. Для такого дела особое умение потребуется!

Лешага вновь поглядел на торчащие из воды рукотворные скалы, построенные древними. Кое-где бревна настила еще сохранились – длинные гладкие стволы, аккуратно перевязанные лыком, для прочности схваченные по краям и в середине крепкими поперечинами. Кто бы ни строил, делал он это основательно. Пожалуй... Лешага глянул на мутную непрозрачную реку, затем снова на остатки переправы.

– У вас есть веревки?

– Есть. Что нужно завязать?

– Нужно сбросить в воду вон ту часть моста. – Он ткнул пальцем. – Мы не пойдем берегом, сплавимся на плоту. Иначе всю эту поклажу не утащить.

– Так ведь там же... – Марат понизил голос, – там живоглот.

– Где?

– Под водой, – боязливо прошептал юнец.

Лешага не раз встречал в Диком Поле всяких мерзких тварей, норвящих сожрать его на обед, даже не вытряхивая из сапог. Что скрывать, до недавнего времени он и чешуйчатых таковыми считал, но с живоглотами прежде сталкиваться не доводилось.

– Ты его видел? – с сомнением уточнил воин. – Или бабки рассказывали, чтоб вы к реке не совались?

– Голову видал, честное слово! Вот такенная! – Марат раскинул на полный мах руки. – Зубищи с палец, пасть длинная и вся ими усаженная, а глаза, будто насмешливые. Увидел меня, как заверещит, как завизжит, я с перепугу чуть в воду не сверзился!

– Мерзкая тварь, – согласился Леха, подумав про себя, что, возможно, неведомая зверушка сама до жути перепугалась, увидев перед собой чешуйчатого. – Ну да она в воде, а мыто будем на плоту. Главное, чтобы дети от страха чего не начудили. Ну и тетки, ясное дело. – Ему вдруг почему-то стало не по себе от того, что он назвал таким пустым бездушным словом Зарину. На вид, особенно днем, она, конечно, выглядела жутко, но, Лешага с удивлением осознал это – ему было интересно ее слушать. – Ладно, – он отогнал неприятные мысли. – Пошли за веревками, нам еще настил к делу приспособить надо.

* * *

Длинный плот медленно скользил по течению. Марат и Лешага попеременно налегали на рулевое весло, установленное на треноге, стараясь держаться середины реки. Из шалаша, сооруженного посреди транспортного средства, долетали слова Зарины:

– ... как рассказывали старики, в прежние времена, до Того Дня, люди достигли таких невероятных успехов во всяких знаниях и умениях, что научились даже летать. Вот посмотрите на эти картинки. Видите? Эти железные птицы назывались самолетами.

– Я тоже хочу летать, как птица! – восторженно вскрикнул один из малышей. Лешага прислушался. Схожие рассказы он слышал в детстве в родном селении, когда просил учителя объяснить, почему это Луна, время от времени различимая среди низких облаков, ночной порой бывает то круглая, то острая, словно коготь, а то смахивает на половину лепешки.

– Может быть, еще и полетишь, – отвечала маленькому воспитаннику Зарина. – Но пока слушай дальше. Когда люди научились летать уже совсем высоко, они смогли долететь до самой Луны. Вот, посмотрите, это планеты Солнечной системы, все они вращаются по орбите вокруг Солнца. Ближайшие к Солнцу – Меркурий, затем Венера...

Лешага хмыкнул, этого учитель им не рассказывал, но, впрочем, зачем теперь знать, есть ли вокруг Солнца другие планеты или нет? Он и о Луне-то не сразу поверил, что это такая же планета, как Земля, только поменьше.

– Так вот, – продолжала Зарина, – когда люди смогли долететь до Луны, они нашли там такое вещество – гелий-3, с его помощью можно было получить столько энергии, сколько захочешь.

– А что такое энергия? – спросила одна из девчонок.

Зарина на мгновение замолчала, обдумывая, как объяснить детям то, о чем и сама-то имела не совсем ясное представление.

– Это то, что может осветить твой дом ночью ярче, чем днем, что может согреть в холодную зиму. И много, много еще чего.

А когда нашли этот гелий-3, один человек, его звали Эдвард Ноллан, решил добывать его прямо на Луне. Он там построил огромный город, в котором и сейчас живет много тысяч людей. Целый флот таких крылатых машин возил их между Землей и Луной.

А в Тот День, – она помолчала, словно отдавая этим дань памяти всем погибшим, – он собрал самых умных, самых знающих, самых великих людей, сколько могли увезти его небесные аппараты, и вместе с ними отправился туда, – Зарина подняла руку кверху. – Старики утверждали, а они-то знали, что говорят, будто Ноллан и по сей день глядит на Землю с Луны, и когда только решит, что время пришло, его люди вернуться и вновь превратят нашу планету в цветущий сад.

А вы для этого должны здесь все делать правильно и хорошо, как вас учат. И как только в небе увидите Луну, призывать и здесь, – она приложила руку к груди, – и тут, – ее пальцы коснулись губ, – Ноллана вернуться на Землю.

Лешага вздохнул. О Ноллане он слышал и прежде. Говорили разное, одни, также как Зарина, считали его мессией, которому суждено вернуться и спасти Землю, другие утверждали, что Ноллан со своими людьми хотел захватить планету и что едва удалось изгнать его на Луну. Однако, улетаая, он и устроил Тот День. Леха подумал, что как-нибудь, не при детях, следует рассказать Зарине об этом. Кто знает, где правда, но лучше не тешить себя пустыми надеждами.

С этой мыслью он налег на рулевое весло и вдруг увидел шипастое бревно, черное, с прозеленью, плывущее за плотом. «Нет, – вдруг осознал Лешага, глядя на то, как вода обтекает неведомый предмет, – это не бревно, оно плывет куда быстрее плота». Словно в подтверждение его слов, «бревно» вдруг открыло два насмешливых глаза. И распахнуло зубастую пасть.

Глава 4

У Лехи – юнца из невзрачного селения в лесистом предгорье – от такого взгляда оборвалось бы сердце, и он бы непременно ощутил себя вожаком едой, которой немедленно следует отправиться в ненасытную глотку. И, точно повинувшись неслышному властному зову, он бы шаг за шагом засеменял в затягивающую бездну. Собственно, так и поступили жавшиеся за спиной Лешаги Марат и Зарина. Даже чешуйчатые, прикрывавшие собой детенышей, как-то задергались, разрываясь между материнским инстинктом и внезапно обуявшей их жаждой гибели. Да и Лешага дернулся было вперед, когда б не ожег его, точно удар кнута, сам собой всплывший в памяти рык Старого Бирюка: «У врага одно лицо – вражье, остальное – личины. Бей, когда убьешь – рассмотришь!» Он услышал за плечом прерывистое дыхание Марата и, стряхивая неведомый морок, ткнул чешуйчатого локтем в солнечное сплетение.

– Назад! – рявкнул он на Зарину и ее товарок. Те моментально шарахнулись к шалашу. И вовремя. Глазастое бревно, возмущенное непонятливостью добычи, издало громогласный то ли звон, то ли скрежет, ринулось в атаку и взгромоздилось на плот, едва не перевернув его. Чешуйчатые пассажиры завизжали, ухватившись за что попало. Пока плот выравнивался, мысли Лешаги, холодные, словно отточенное лезвие, двигались неспешно и плавно, как его учил Старый Бирюк. Он рассматривал шипастое страшилище, плотоядно любовался им, стараясь почувствовать, уловить его страхи и желания. Страхов не было, а желания... – существо хотело есть. Это было его единственное желание. Других не было. Досадное открытие.

С обычным зверем Лехе справиться было довольно просто: стоило прорастить в себе охваченный пламенем куст, стать им, хоть на мгновение, и любая тварь бежала, поджав хвост, шарахалась, ища спасения. А еще можно было поймать сознание противника в жесткую петлю собственной воли, как вот сейчас пытались сделать заплесневелое живое бревно, как не раз проделывал в схватках и сам Лешага. Эта тварь не была похожа на остальные. С ней провернуть такую штуку не стоило и пробовать. Страж отлично чувствовал силу вечно голодного врага. Он рассматривал зеленовато-черные шипастые пластины костяного панциря, длинную, вытянутую вперед пасть с пилами отточенных клыков, неказистые кривые лапы с острыми когтями. Из стрелялки речного монстра не достать. Ему та дробь, что камешком в стену: только пуще разозлится.

– Держи! – он кинул самострельное приспособление Марату и выхватил нож. Возможностей для борьбы нет. Есть одна возможность и единственный шанс.

Заметив достойного противника, зубастая тварь кинулась на Лешагу. Инстинкты вполне заменяли ей обременительный при таком образе жизни разум, и они недвусмысленно подсказывали, что разделавшись с крупным двуногим самцом, можно будет легко добраться и до остальных. Мощные челюсти щелкнули совсем рядом с Лехиным бедром. Но тот в мгновение ока перепрыгнул через распоясавшееся «бревно», кувыркнулся и тут же вскочил на ноги. И вслед за этим грохнул выстрел. Дробь рикошетом прыснула во все стороны, лишь стуком да громом потревожив страшилище. Но этого оказалось достаточно, мощный, длинный хвост его, до того упрятанный в темной воде, стремительно взлетел над плотом, взметнув столб брызг, и с размаху врезал под колени Марату. В тот же миг чудище резко повернулось и ринулось на сбитого с ног чешуйчатого. Прыжок. Лешага оказался на шипастой спине и, в кровь обдирая тело, с силой вонзил длинное стальное острие в глаз монстра.

Ужас речных глубин вздыбился, точно подпрыгнул на кривых лапах. Хвост его метался из стороны в сторону. Пронзительный скрежет сменился воем на столь высокой ноте, что все обитатели убогого плота, не сговариваясь, зажали ладонями уши, стараясь хоть как-то защитить барабанные перепонки от невыносимого визга. Все, кроме Лешаги. Сейчас здесь не было вчерашнего мальчишки из лесистого предгорья, – огромная птица вонзила в желанную добычу

стальные когти и сжимала, сжимала их, радуясь хлещущему из раны кровавому потоку. Рывки чудовища становились все короче и слабее. Ученик Старого Бирюка чувствовал – добыча сдастся, и это наполняло его невыразимой радостью победы. Еще мгновение, еще... Зубастые челюсти сжались с такой силой, что Лехе послышался хруст костей. По огромному телу водяной твари от головы к хвосту прокатилась короткая волна агонии. И тут Лешага вдруг ощутил, что слабеет, и рухнул на шипастую спину, обхватив ее руками.

* * *

Очнулся он от холодного прикосновения к ноге. Не открывая глаз, крутанулся на месте, стараясь загнать между коленей голову противника, и тут же услышал жалобный не то всхлип, не то бульканье.

– А, Зарина, – по характерному звучанию нечленораздельного крика догадался Леха и, отпустив «добычу», открыл глаза. Чешуйчатая сидела рядом с ним на плоту, держась за шею и хватая воздух ртом.

– Я, я... у вас кровь, много ран... – с трудом выдавила она.

– Кровь? – точно сомневаясь, повторил воин и оглядел изорванные в клочья штанины, под которыми ясно просматривались глубокие царапины, сочащиеся «красным потом», как говаривал Старый Бирюк. Только сейчас Лешага почувствовал боль, противное жжение по всему телу. А, ну да, шипы.

– Но вы его убили! – воскликнула Зарина и вслед за ней, словно дождавшись сигнала, заголосили ее подружки и скачущие вокруг детеныши. Леха не всегда понимал слова, но в интонациях чувствовался восторг, не избытый со смертью живоглота ужас, благодарность. Его раздражал этот шум, как, впрочем, и любой шум, не сообщавший ничего значимого. Страж поморщился, сел поудобней, раскрыл ладонь над самой глубокой царапиной и начал водить ею, согревая внутренним теплом рану, унимая кровь и упрашивая края разорванной плоти сойтись, как было, срастись без следа.

– У меня есть мазь! – доставая из поясной сумки небольшую круглую емкость, предложила Зарина.

– Пустое! – буркнул новоявленный герой, продолжая беседовать с собственным телом.

– И вовсе не пустое! – запротестовала чешуйчатая. – Вода грязная, на шипах у чудовища может быть всякая зараза. Эта мазь сделана по древнему рецепту, изобретенному еще до Того Дня. Один только запах ее изгоняет хворь из раны.

Лешага искоса поглядел на девушку, прикидывая, что когда-то из-за рассеянной здесь заразы ее предки стали вот такими страшилищами, и, примерив на себя подобный внешний облик, внутренне содрогнулся. А что если, а вдруг...

– Ладно! Давай, мажь.

Зарина не заставила себя упрашивать.

– А где этот? – чувствуя прикосновения шершавых ладоней к ноющим ссадинам, оглянулся Леха. – Где самогубец?

– Кто? – удивилась целительница.

– Бестолковое существо, которому я кинул поддержать стрелялку.

– Я, между прочим, тебя спасал! – раздался обиженный голос из шалаша. – Я думал, он тебя сейчас одним махом сожрет!

Ученику Старого Бирюка вдруг представилась нелепая картина – щуплый паренек, бросающийся на его защиту. Ничего более смешного и придумать нельзя. Но храбрец, храбрец – ничего не скажешь. Не удержавшись, Леха захохотал. Подобное случалось с ним нечасто и оттого чудесным образом меняло его угрюмый, хищный облик. Он смеялся, хлопая себя по груди, и все на плоту невольно подхватили этот смех, не успев сообразить, отчего им так весело.

Но с каждой секундой неведомо куда уходило напряжение, и день казался довольно светлым, и речная вода не такой уж темной, а живоглот – совершенно мертвым, и оттого довольно забавным.

– Ладно, иди сюда, воитель! – наконец проговорил Леха.

– Не могу, оно мне хвостом ноги отбило.

– Ишь, ты. Ну, тогда ползи, раз уж ты мне жизнь спасал, поглядим, что там с лапами твоими стряслось.

– У меня ноги! – возмутился Марат.

– Да хоть бы и крылья. Давай, ползи.

– Ого! – юнец выкарабкался из своего убежища и только сейчас, наконец-то, смог по достоинству оценить мертвую тушу живоглота. – Шагов десять в длину, не меньше.

Бронированное чудище воистину мертвым грузом лежало на корме плота, заметно погружая его в воду и замедляя и без того не слишком быстрое движение.

– Ты, выходит, теперь настоящий драконоборец?

– Кто? – удивился Лешага.

– Ты не знаешь? – Марат обрадовался возможности блеснуть эрудицией. – До Того Дня в мире было много драконов. Это такие чудовища, даже больше этого встречались, многие с крыльями. В совсем древние времена они постоянно с людьми враждовали, скот у них похищали, красивых девушек, – он мельком взглянул на Зарину. – А защищали людей драконоборцы. Они сражались с такими вот, – парнишка ткнул пальцем в мертвое чудище, – и всегда побеждали их. Одного из героев звали Святой Георгий. Он был самым знаменитым, наверное, много драконов победил. Я в книжке картинку видел. Так эти драконы, и большие, и маленькие, меньше, чем конь у Святого Георгия. Но все такие же зубастые, только на хвосте вроде как шип. Этот драконоборец всегда девушек спасал, а они его за это любили.

– Любили, ишь ты... – Лешага хмыкнул, он и в прежние времена слышал это словцо, знать бы только, что оно значило. Он помнил мать, кормившую его просяной кашей, в которой иногда даже попадались кусочки мяса. Она была сурова, часто кричала, но кормила всякий день. А однажды, когда Леха кубарем скатился с каменистого склона, даже плакала над его лежанкой. Возможно, это и называлось – любила. Он мельком глянул на Зарину, обрабатывающую его царапины едко пахнувшей мазью. «Тогда она что же, тоже меня любит?» – от этой мысли его невольно передернуло.

– А потом, – продолжал Марат, – драконы как-то примирились с людьми и даже научились принимать их облик. И в городах жили, как все прочие, только особыми кланами. Черный клан, синий клан...

– Ишь ты, – вновь повторил «драконоборец» и покачал головой. Не то, чтобы рассказанная чешуйчатый история его сильно удивила, уж скорее она многое ставила на свои места. Если человек по своему желанию мог становиться таким чудищем, то, стало быть, и он... Ну, конечно, не таким драконом, но все же...

– Чистая правда, я в книге читал: так и называлось – «Черный клан»!

– А с этим что делать? – перебивая болтливого приятеля, спросила Зарина, кивая на мертвого живоглота.

– В воду бы его сбросить! – взмолилась одна из женщин. – Мы тут на веслах убиваемся, и без того еле-еле плетемся.

– Свежевать надо, – отвлекаясь от занятного рассказа, буркнул Лешага. – Шкура прочная, не всякая пуля возьмет.

– Да чем свежевать-то?! Нашими ножами такую шкуру не взрезать. Лучше от греха подальше в воду столкнуть, а то ведь завоняется, протухнет.

– Нет-нет! – вмешался Марат. – Не завоняется. Мясо драконов не гниет, а усыхает. Я читал! А значит, попозже он легче станет, его и столкнуть будет проще. А если что, в селении и топоры, и большие ножи обязательно найдутся.

– Да как же грести-то?!

Лешага перестал колдовать над побитыми ногами юнца. Кости были целы, так, пустое дело – ушиб. Он как занозу вытянул боль из ноющих мышц и сбросил ее в гнилую воду.

– Все! Нечего сидеть, вставай, пошли на весла.

Марат вскинулся, без труда поднимаясь с бревен, глаза его обалдело уставились на воина. Конечно, в тех местах, где могучий хвост пришелся по икрам, кожа еще саднила, но не более того.

– Как это? – ошарашенно пробормотал он.

– Как-как? Ногами иди.

* * *

Селение, о котором рассказывал Марат, вовсе не походило на безлюдную череду пустых холмов, откуда четверо суток тому назад отчалил плот с беженцами. Довольно высокая каменная насыпь, снаружи обложенная дерном, широким полукругом ограждала поселок от всей остальной суши. По насыпи, с дистанцией шагов тридцать, ходили вооруженные чешуйчатые. У большинства в руках были луки со стрелами, но как минимум у троих Лешага заметил двухствольные ружья. От берега, выходя в реку шагов на двадцать, тянулась дощатая пристань на вбитых в дно бревенчатых сваях. Такая же красовалась и на противоположной стороне. «Перевоз», – сообразил Леха. На высоком холме внутри защитного периметра, различимый изда- лека, виднелся подпертый камнями шест, а на нем хлопавшее на ветру полотнище.

– Видишь, видишь?! – закричал Марат. – Дракон!

На полотнище действительно было изображено нечто крылатое с зубастой пастью и длин- ным стреловидным хвостом.

– Что ж он тут не убитый? – буркнул Лешага.

– Это потому, – понижая голос до шепота, слышного на противоположном борту, пустился в объяснения рассказчик, – что здесь жили люди с драконьей кровью. Я же говорил тебе, они стали обитать в городах отдельными кланами.

– Марат, – всплеснула руками Зарина, – что ты такое сочиняешь? Лешага, не слушай его!

– Да-да, а ты как думала? Это ведь очевидно! Почему у нас чешуя, а не, скажем, перья?

– Оранжевый туман... – увещательно начала девушка.

– Оранжевый туман в окрестных землях убил всех людей с человеческой кровью, а наши предки выжили, потому что были иной породы.

– Может, ты и летать умеешь? – указывая на крылатую тварь, украшавшую флаг, ухмыль- нулся Лешага.

– Нет, летать не умею, – огорченно сознался вдохновенный рассказчик. – Но кто знает, может, все мы просто говорим себе, что не умеем, и потому даже не пробуем.

Лешага с интересом поглядел на чешуйчатого. Он так часто видел этот мир сверху, с высоты птичьего полета, что мысль о возможности парить в небе вовсе не казалась ему абсурд- ной. Но Зарина лишь рассмеялась, обнажив в улыбке ряд острых клыков.

– Все ты выдумываешь!

– Вот увидишь, я еще полечу!

Между тем плот уткнулся в одну из свай причала, на котором уже толпилась орава зевак устрашающего вида. Еще большая толпа праздношатающихся собиралась на берегу. Не всякий день удается своими глазами увидеть мертвого живоглота. Лешагу невольно передернуло от такого количества улыбающихся во всю ширь клыкастых морд, но он быстро взял себя в руки.

В конце концов, не враждебно скалятся – радуются. Навстречу плоту сквозь толпу на пирсе протолкался чешуйчатый в потрепанной серой одежде с парой нарисованных на плечах золотых полосок. На голове встречающего красовалась такая же серая шапка с козырьком и каким-то овальным значком на ней.

– Младший сержант Тарасов, шестой из младших сержантов Тарасовых! – гордо сообщил представитель власти. – Рады видеть гостей. Как гласит старинное приветствие: «Потрудитесь предъявить документы!»

Лешага озадаченно поглядел на Зарину и Марата, но тем явно доводилось бывать в этих краях и прежде.

– Да ты че, свои, братан! – хором отозвались с плота в ответ на столь двусмысленное сообщение, что на берегу их рады видеть.

– А это кто? – младший сержант Тарасов подозрительно поглядел на гладкокожего в рваной одежде.

– Он нас спас! Он живоглота убил! – вразной затараторили его спутники.

– Он величайший из воинов! – громче всех кричал Марат. – Как Святой Георгий! Он победил дракона-отступника!

Великий воин без труда взобрался на пирс, отстранив протянутую ему руку.

– Они меня наняли. Получу оплату и уйду.

– Это Декану решать, кто отсюда уйдет, а кто нет, – проворчал чешуйчатый в серой одежде. Он подал знак кому-то из толпы, и те спрыгнули на плот, спеша закрепить его принесенными откуда-то ржавыми цепями. – Но знай, – продолжал младший сержант, – ты спас наших детей и женщин, а значит, дорогой гость в селении.

– Про самогубца еще забыл, – буркнул Леха.

– Я уже послал сообщить о вас Декану, – не слушая его, продолжал Тарасов. – А пока что, может быть, желаешь распорядиться добычей?

– Кусок шкуры возьму себе, остальное меняю на ружье, а лучше – автомат, и, – Леха вспомнил зубастые челюсти, – патроны, не меньше 50 штук.

Младший сержант покачал головой.

– Это Декану решать.

В толпе на берегу послышался уважительный возглас:

– Аспирант!

Чешуйчатые почтительно расступились, пропуская вперед немолодого самца, настолько проникнутого сознанием собственной важности, что страж, не задумываясь, назвал бы его человеком.

– Третий Аспирант Ильясов! – гордо назвал тот.

– Лешага, – ответил ученик Старого Бирюка, внезапно чувствуя странную неловкость от того, что стоит перед этим уважаемым субъектом в нелепой рванине.

– Вас желает видеть сам Декан! – патетически с проникновенным чувством почтения в голосе сообщил Аспирант, – Шестой декан из династии Сейфутдиновых.

Лешага оглянулся на героя-самогубца и Зарину. На берег выкатывали тушу, и, ткнув в нее Марату, чтобы приглядывал, он отправился вслед за неведомым Аспирантом.

– Говорят, вы убили живоглота голыми руками, – не то спрашивая, не то утверждая, поинтересовался тот, когда они уже шли по тропе между холмами.

– Ножом убил, – безучастно уточнил Леха. – Мне спешить надо, тушу хочу поменять. Оплату получу и пойду.

Аспирант сделал вид, что не слышит слов об оплате. Стража это начало раздражать.

– Вы наш гость, – сообщил проводник. – И ваша победа, и прибытие наших сородичей – большой праздник для нас. С Того Дня вы первый гладкокожий, пришедший сюда без злого умысла.

– А с умыслом часто приходят?

– Приходят, – Ильясов ткнул себя в плечо. – Здесь пуля до сих пор сидит. Я тогда еще молодым был, но уже старостой группы. Раздольников отваживали, много наших полегло.

– Ясно, – кивнул драконоборец. За свою недлинную жизнь ему не раз приходилось биться насмерть с этим отребьем человеческой породы, и потому он вдруг почувствовал странное родство с подраненным страшилищем.

– Пожалуйте, – между тем сказал тот, указывая на дверь под козырьком в одном из холмов. – Здесь у нас деканат.

Лешага прошел длинным коридором с несколькими выходящими в него дверями. Некогда белые, они были чрезвычайно обшарпаны и кое-где даже покрыты мхом, хотя было заметно, что его многократно пытались счистить, порою вместе с краской. На одной из дверей каким-то чудом сохранилась табличка «педиатр», но это слово Лехе ни о чем не говорило, к тому же провожатый вел его все дальше. В конце тоннеля под аркой со следами дверей виднелась лестница, уходящая вниз.

– Здесь регистратура, наш архив, – пояснил Аспирант. – И сам деканат.

Помещение было уставлено книжными полками так, что за корешками не удалось бы различить стен. От такого богатства у Лешаги перехватило дыхание. Он уже внутренне смирился с тем, что чешуйчатые вовсе не те безумные хищные зверьки, какими представлялись ему прежде. Он уже видел несколько тюков с книгами, которые были погружены на плот. Там, далеко, на развалинах развалин. Но столько... Такого количества он и представить себе не мог! Даже у Библиотекаря в Трактире не было такой коллекции. А книги громоздились на широком столе и даже лежали на полу в углу, почти как подставка к флагу, такому же, как на берегу, но чуть поменьше. За столом сидел, нет... восседал, чешуйчатый, мощный, лобастый, с круглыми пронзительными, будто заглядывающими в самую утробу, глазами. Чешуя его была черной с легкой прозеленью, так что Лешаге невольно подумалось, уж так ли не прав Марат, рассказывая о родстве береговых жителей с ужасом речной пучины.

– Так вот ты каков, драконоборец, – пристально разглядывая гостя, произнес Декан.

– Таков, – буркнул Леха и сразу приступил к делу, – дадите за тушу автомат?

– Не дам, – покачал головой Декан.

Страж нахмурился, на другом торжище он бы живо вытряхнул из купца достойную цену, но здесь чешуйчатых было слишком много. «А может, прихватить его, нож к горлу, да и уйти? – подумалось Лехе. – Книг бы еще зацепить, чтоб разжиться на первый случай». Он начал шарить взглядом по углам, думая, во что бы уложить драгоценные печатные издания. «Да вот хоть бы в полотнище, что на палке».

– Автомат за тушу не дам, – повторил Декан. – Оно, конечно, шкура ценная, из нее столько хороших щитов и наручей сделать можно. Да только пойми, автоматов мало, а тут еще... – он вздохнул. – Я о том с тобой и хотел говорить. Ты, я так понял, там, – он махнул рукой, – уже встречался с прорвами?

– Довелось.

– И живым ушел?

Лешага невольно скривился, вспоминая бой в распадке.

– Как видишь, – неохотно подтвердил он.

– Из наших, поди, никто не выжил, – констатировал Декан. – А их там без малого две сотни было. Если кто и жив остался, в полон утащили. На берегу кричали, что ты великий воитель.

– Я караваны водил, – ответил Леха, но, похоже, Декану его слова мало о чем говорили или же он понял их как подтверждение своего предположения.

– Это хорошо. Ты не думай, все, что было обещано в оплату, тебе отдадут. Но я хочу предложить другой наем, куда более выгодный.

Лешага метнул на чешуйчатого недобрый взгляд и понимающе усмехнулся. Караваны он водил уже не первый год. На торжищах говорят: «Тот, кто обещает скорую выгоду, намерен заплатить после твоей смерти». Он вновь скосил глаза на знамя.

– Что за наем?

– Прорвы сюда идут, – без лишних предисловий сообщил декан. – Завтра-послезавтра будут здесь. Вот такие гости. Поможешь отбиться – будут тебе и автомат, и патроны.

«Никогда не отбивайся, – всплыл в памяти Лехи резкий, точно ожог, жесткий окрик Старого Бирюка. – Отбиться невозможно. Бей, делай свое дело. Если тебе мешают, устрани помеху».

– Нет смысла отбиваться, – равнодушно бросил он, внезапно ощущая, как сам собою вырывается из недр сознания загнанный туда ужас. Пучеглазая тварь с хилыми, точно безжизненные плети, ручонками. Его передернуло от этого воспоминания. И тут он почувствовал... да, явственно почувствовал и чуть не заорал от неожиданности. Где-то совсем недалеко находился Бурый. Вялый, беззащитный, но все же живой.

«Прорвы идут сюда, – будто сквозь туман вновь услышал он. – Они идут сюда, и Бурый с ними. Он в их руках, а значит...»

– Никогда не отбивайтесь, – повторил он. – Врага надо победить. Лучше всего – уничтожить.

Глава 5

Лешага взвалил на плечи черную упругую обувь колеса от одной из тех самобеглых повозок, что совсем недавно видел на картинке в книге, которую показывала Зарина.

– Это нам зачем? – спросил любопытствующий Марат.

– Тебе – ни за чем.

– Зря ты так! Я же помочь хочу!

– Помолчи – уже поможешь.

Юнец, кажется, пропустил эти слова мимо ушей, а может, принял их за проявление своеобразного геройского юмора.

– Ты ее бросать в прорв будешь? – прикинув размеры и тяжесть рубчатой штуковины, предположил он.

– Не буду. – Лешага огляделся. Выкопанная из земли штука была увесистой, и, главное – чертовски громоздкой. Чтобы нести ее, требовались обе руки. А еще лопатка, кто-то должен взять ее.

– Хочешь помочь? Хватай. – Леха указал на шанцевый инструмент. – И тащи за мной.

– А куда?

– Туда, – драконоборец мотнул головой в сторону господствовавшего над округой холма, поросшего темными деревьями с широкими, в половину книжной страницы, листьями. Заинтригованный странным поведением своего кумира, Марат вздохнул, понимая, что никаких разумных объяснений ему не добиться, и, схватив лопату, побрел следом. Лешага шел молча, наблюдая верхним зрением парящей в небе птицы за перемещением уже близкого врага. Тот медлил. «Вероятно, в ожидании подмоги», – оглядывая лагерь свирепых, то и дело огрызающихся друг на друга прорв, решил он.

Посреди лагеря красовался шатер. Однажды из него вышел тот самый Пучеглазый, спокойно, без малейших эмоций, обвел взглядом расшумевшихся подчиненных. Руки не поднял, не произнес ни звука, а те вдруг стихли, как-то подобрались, точно на задних лапах присели. Бурого видно не было. «Наверное, в шатре», – предположил Леха. Впрочем, никаких других укрытий в лагере не наблюдалось. Волкоглавые без всяких возражений обходились каменистой землей вместо тюфяка и низким клочковато-серым небом в качестве одеяла. Кое-где горели костры, вокруг них сидели наиболее крупные экземпляры, дожидаясь, когда будет готово помещиваемое в котлах непонятной природы варево.

Лешага и Марат поднялись на пригорок. Драконоборец оглянулся. Как он и предполагал, отсюда поселение виднелось, словно на ладони. Лишь за ближней насыпью оставалась небольшая мертвая зона. «Это хорошо, – удовлетворенно подумал Леха, вспоминая наставления Старого Бирюка. – Заставь противника верить, что он видит и знает все, тогда то, чего он не видит и о чем не знает, уничтожит его».

– А зачем мы сюда пришли? – опять не выдержал Марат.

– Ямы копать умеешь?

– Конечно, – юноша удивленно распахнул глаза. – Нам знаешь, сколько копать приходилось?!

– Не знаю, – без суеты осматривая вершину холма, бросил страж.

– Мы там еще, у большой переправы, каждый день копали, много всякого находили. А здесь что мы ищем? И эта штукавина тут зачем? – вопросы сыпались из него быстрее, чем градины с неба.

– Вон, дерево вывернутое видишь?

– А то! Большущий же ствол, как не увидеть?!

– Рядом с ним и копай, – приказал ученик Старого Бирюка.

– А ты? – с надеждой спросил Марат. Он горел желанием немедленно совершить что-нибудь героическое.

– Вызвался помогать, бери лопату, – разглядывая горизонт, буркнул Леха.

– Но я же хочу понять! Ты сам подумай: вот победим мы завтра прорв, получишь ты свой автомат и пойдешь куда-нибудь, например, в Шаолинь. А кто селение защищать будет? – не унимался юнец.

– Не мое дело.

– Ясно, не твое. Мое. Вот, пока ты здесь, я и учусь.

– Когда же ты учишься, если столько болтаешь?

– Да я же слова лишнего не сказал!

– На вот, – Лешага тяжело вздохнул, снял с пояса длинный кушак, размотал его, встряхнул получившуюся кишку, превращая ее в объемистый мешок, и протянул болтливому дракониду. – Землю сюда насыпай. А я пока займусь гнилым пеньком.

– На что он тебе?

– Зачем спрашиваешь? Смотри и не забудь про лопату, яма должна быть мне по плечи.

– Ого! – возмутился Марат.

Но Лешага уже не слушал, он отправился к торчавшему из земли растрескавшемуся пню и стал аккуратно снимать с него покрытую мхом кору.

«Выкорчевывать его не стоит, – размышлял он. – Корни во все стороны, если вывернуть, сильно заметно будет, а вот если все лишнее убрать, да присыпать сухой листвой и ветками, можно соорудить хороший наблюдательный пункт для противника. Ствол дерева его аккуратно прикрывает от автоматных пуль, и видно отсюда будет получше. Остается только рядом с этой точкой соорудить фальшивый пень, а в нужный момент объяснить прорвам, чем видимость отличается от реальности. Но все же надо как-то подсказать Пучеглазому, что лучший наблюдательный пункт – здесь. Как бы это сделать?»

Он поглядел на чешуйчатого, ожесточенно, точно землеройка, углубляющегося в каменистый грунт.

– Марат, ты бегаешь хорошо?

– Да! – гордо заявил юнец. – Я же драконьего рода, мы все стремительные.

– Ну да, я помню. И летать умеете, – тут же ухмыльнулся воин.

– Вот увидишь, я еще полечу!

– Увижу – значит, увижу, – согласился Леха. – А пока ты что есть сил побежишь в селение.

– Надо что-то передать?

– Надо. Пусть снаружи перед насыпью копают ямы.

– Такие?

– Мельче. Чтоб нога проваливалась, эдак, по колено. Уяснил? А в дно ямы пусть забивают острые колышки. И чтоб перед тем, как забивать, дерьмом их хорошенько вымазали. Так вернее будет. Я вернусь, покажу, как волчьи ямы ладить и упрятывать, чтобы глазам не видно было.

– Так, может, тогда я сперва здесь докопаю, а потом в селение...

– Беги, – нахмурился Лешага. – И так беги, как будто за тобой гонится орава голодных прорв.

Юноша нехотя вылез из ямы.

– Ну, я же тебе помогаю...

– Помогает. Теперь дуй отсюда быстро. А то... – он замахнулся пятерней, припоминая своего учителя, – сейчас точно полетишь.

Марат не заставил себя упрашивать и со всех ног бросился к оборонительной насыпи.

«Нет, так не пойдет, – глядя, как сверкают пятки чешуйчатого, подумал Лешага. – Слишком медленно. – Он еще раз оглядел селение и округу с импровизированного наблюдательного

пункта. – Надо показать этим зверолодам, что за ними отсюда следили и подавали сигналы в поселок, дальше уже сами додумаются. Но если мальчишка побежит отсюда, прорвы его точно догонят. Волкоглавые бегают куда как быстрее».

Леха вдруг поймал себя на том, что его по какой-то неведомой причине беспокоит судьба Марата. Вот же, какая ерунда получается! Ведь по сути, это же хорошо, что поймают, эти допрашивать не станут, они, поди, и говорить толком не умеют. А так – что может быть лучшим доказательством наличия сигнальщика, чем пойманный сигнальщик?

Лешага покачал головой. Этот прилипчивый, точно болотная пиявка, субъект чем-то умудрился ему понравиться. Драконоборец недовольно фыркнул. Нет времени раздумывать: чем, для чего. Нужно еще фальшивый пенек смастерить. Он принялся за работу.

«А что, если... – от пришедшей в голову мысли ученик Старого Бирюка даже усмехнулся. – Если все правильно сделать, то может получиться. Главное – чтобы этот самогубец не оплошал!»

* * *

Марат вернулся уже тогда, когда его кумир аккуратно, придирчиво разглядывая тянущиеся от фальшивого пенька корни, засыпал убежище палой листвой.

– Ух ты! Со стороны и не заметишь!

Леха кивнул, не отвечая.

– Ты отсюда по прорвам стрелять будешь?

– Можно и стрелять, – нехотя подтвердил воин. – Но не буду.

– Тогда зачем?

– За деревом. Иди вон туда, к огрызку, что от старого пня остался, и насыпь землю.

– А зачем?

Лешага метнул на любопытного убийственный взгляд.

– Высыпашь, начинаешь притаптывать.

– Как?

– Ногами. Молча. И запомни. После тебя должна остаться ровная утоптанная площадка, как будто люди сюда неделями ходили.

– Ого!

– Приступай!

Марат безропотно схватился за мешок и вознамерился было волочь его за собой.

– А ну стой! На плечи клади. Тут лишние следы не нужны.

– Так я не подниму!

Лешага хмыкнул, без особого труда подхватил мешок и собрался было водрузить его на плечи юнца. Круглые глаза того наполнились ужасом.

– Дракон... – процедил Леха, относя землю в нужное место. – Высыпать сам как-нибудь сможешь?

– Да, кажется, – робко отозвался чешуйчатый.

Некоторое время было тихо. Наконец Марат не выдержал.

– Лешага, а ты много путешествовал?

– Ты о чем?

– Ну, во многих землях бывал?

– Я караваны водил, – нехотя ответил страж.

– Ну, значит, во многих. А скажи, там, где ты побывал, о Темном Властелине что-нибудь говорили? – поинтересовался юнец.

– О ком? – изумился Леха.

– Ты что, не знаешь? Темный Властелин изготовил кольца!

– Какие еще кольца?

– Ну, вроде как на гранатах, только поменьше и очень могущественные. А ему противостоял... – чешуйчатый задумался, – ну, я точно не помню, давно читал. Такой, с длинной белой бородой. Кажется, Дедмороз. Да, точно, он был добрым, всем дарил подарки и жил на севере. И у него были две башни изо льда. Ты знаешь, что такое лед?

– Когда вода застывает, – с раздражением отозвался Лешага, запрыгивая в яму. Он решительно не понимал, к чему этот пустой разговор.

– Так вот, из самого белого льда у Дедмороза были огромные белые башни. Такой лед никогда не тает и греет лучше всякого огня. Темный Властелин хотел его погубить и послал громадных железных птиц эти башни уничтожить.

– Зачем?

– Не знаю, так ему надо было. Но только ему это удалось, и тогда началась большая война. Она длилась очень долго, а потом настал Тот День. Но как раз в то время, когда были разрушены башни, Эдвард Ноллан пошел в школу, и он видел, как башни рушатся, объятые пламенем, и дал себе клятву спасти землян от козней Темного Властелина, – продолжал вещать чешуйчатый.

– Лед не горит, – напомнил Лешага.

– Ну, это же был не простой лед. Этот, может, и горит. Темный Властелин, он знаешь, какой сильный?! Вот ты мне, скажем, боль из ноги убрал, едва дотронувшись. А у него силы-то ого-го, ему кольца помогают, – с жаром возразил юнец.

– А кольца при чем? – вконец запутавшись, спросил Леха.

– Если бы я был Нолланом, или самим Дедморозом, я бы, может, и знал, – печально вздохнул Марат.

– Раз не знаешь – топчи землю!

– Я топчу. Но вот думаю, если этого Темного Властелина уничтожить, сразу всем жить хорошо станет.

– Да как же ты его уничтожишь?

Марат огорченно развел руками.

– Как-то можно, но книжка долго в земле пролежала, часть сгнила, часть крысы погрызли. Но я вот на прорыв смотрю, в той книге о таких говорилось. То ли уруки, то ли уруки. Они как раз Темному Властелину служат. Он их из трупов делает.

– Для мертвых они слишком живые, – взглядывая в даль через прорезанное в крышке отверстие, буркнул страж.

– Они не своей волей живые, – веско ответил Марат. – Я вот думаю, почему Ноллан так долго не прилетает.

– И почему же?

– Да потому, что мы с Темным Властелином не расправились. А как только уничтожим его – сразу прилетит, – со знанием дела объявил юнец.

Он остановился и прикрыл глаза, должно быть, представляя светлое будущее.

– Ты не стой, ты давай топай! – одернул его драконоборец.

– Я топаю. Просто вдруг представилось, а что, если ты победишь Темного Властелина?

– Марат! – Лешага вылез из обустроиваемой ямы. – Я хочу освободить побратима, вместе с ним дойти до Трактира, узнать там, как добраться до Шаолиня и отправиться туда. Я давно этого хочу. Теперь, наконец, решился. А какой-то там Властелин с его кольцами – ему нет дела до меня, мне нет дела до него.

– Ну как же так?! – огорчился юнец. – Ведь без этого жизнь лучше не станет! Да ты сам подумай, вот, скажем, дойдешь ты до Шаолиня. А там эти старцы с белыми бородами точь-в-точь, как была у Дедмороза. Может, они с ним и в родстве даже. Они тебя спросят: что ты

сделал, чтобы жизнь вокруг стала лучше? А ты им – я сюда пришел. Ну, глупо же! Вот если ты им скажешь: «Я победил Темного Властелина»...

Лешага подошел к чешуйчатому, аккуратно поднял его под мышки и произнес недобрым тоном, от которого печально загибались гвозди:

– Если ты еще раз скажешь что-нибудь эдакое о Шаолине, я закопаю тебя в этой яме и уйду, понял?

– Вот еще! – Марат дернулся, болтая в воздухе ногами.

– Нет, скажи: ты понял?

Юнец, всхлипнув, кивнул.

– Давай, топчи! – опуская его на землю, хмуро проговорил Леха, отворачиваясь от опеченного.

«Действительно, чего это я взъелся?» – подумалось ему. Он представил горы, покрытые снегом, лес, залитые солнцем здания с необычными крышами, совсем не такими, как на его родине, огромный двор, где ровными рядами, повторяя одно и то же движение, тренировались воспитанники в оранжевых легких одеждах. «Там живут мудрецы и воины, – пришли в голову давние речи Старого Бирюка, – они сильны и не боятся жить. Они понимают жизнь, каждый ее миг, каждое дыхание. И это понимание дает им силы».

А ведь и впрямь могут спросить.

* * *

Прорвы двигались густыми рядами, небо еще только начало сереть, но, похоже, клыкастым тварям ни наличие, ни отсутствие дневного светила нисколько не мешало. Лешага видел, как разворачиваются они широкой дугой, чтобы напасть одновременно со всех сторон, обрушиться, словно стая диких собак, на испуганную, растерянную жертву. «Хорошо идут, – тихо, про себя, похвалил Леха, – и каждый вполне понимает, что делает». Куда девались недавние распри за сочный кусок? Сколько их тут? Не меньше четырех сотен. Чешуйчатых в селении куда больше. Но только где уж им выстоять против таких хладнокровных, беспощадных хищников. Ну, да «чума на все их дома», как говорил Старый Бирюк, а Бурый-то где?

Побратима Лешага не чувствовал, будто его и не было. Воина не отпускало навязчивое ощущение, что он чего-то не учел, где-то ошибся. Он раз за разом продумывал все детали своего плана. Может, и не лучшее, что можно было придумать, но ничего другого в голову не шло. «Решение принятое и выполняемое считается условно правильным, – утешил он себя заветом учителя. – Ладно, пора начинать».

Лешага еще раз окинул взглядом приближающееся войско. Автоматов и ружей немного, едва ли у каждого десятого. По большей мере топоры, длинные широкие ножи, но оно и к лучшему. Чешуйчатые – бойцы так себе, но автоматов, ружей и короткоствола у них поболее. Если удастся задержать волкоглавых у насыпи, все должно получиться.

– Ладно, раз-два, – он резко вдохнул и выдохнул, унимая невесть откуда появившееся волнение, – три. Начали!

Огонь в жестяном тазу вспыхнул, сразу охватив положенную в него ветошь и сухие листья.

– Эгей! – загорланил страж. – Эге-ге-гей! Тревога! Тревога! Прорвы идут!

«Лишь бы Марат не уснул, – пронеслось у него в голове. – Этот ведь может».

Но даже если юнец и придремал в кустарниках у подошвы холма, то могучий рев Лешаги подбросил его, словно камень из катапульты. Он мчался по маршруту, который за вчерашний день пробежал не менее двух сотен раз. Длинные матерчатые полоски, ключья, аккуратно нашитые на полотнище накидки, такой же, как сейчас у Лешаги. Они развевались по ветру, превращая и без того бесформенную фигуру в чудовище из кошмарного сна.

– Ап! – чешуйчатый схватился за веревку, ход чуть замедлился, но тут не до скорости. Прорвы, хоть и прибавили шаг, но все же были еще далеко. – Хоп! – вперед-вперед по веревке, главное – не отступить в сторону, шаг влево-вправо – ловушка сработает. Он бежал, срывая спасительную бечевку и умоляя про себя Дедмороза и Ноллана дать ему сил благополучно выполнить поручение самого Лешаги. Вот и насыпь. Рывок веревки. Марат заорал от неожиданности, нелепо двигая ногами в воздухе. Рывок, еще рывок. Вот он уже на гребне оборонительного вала.

– Они меня заметили? – не глядя, бросил юный герой.

– Заметили. Вон как бегут.

Драконид обомлел. «Это же сам Декан!»

– Действуем по плану! – закричал тот. – Суматоха!

По насыпи, вопя что-то невразумительное, встревоженно махая руками, заматались лучники, время от времени останавливаясь и пуская стрелы в направлении противника. Селение оживало, со всех концов в распадки улиц валил народ, толпясь и оглашая воздух испуганными воплями.

– Пока все хорошо, – Лешага хищно ухмыльнулся, прыгнул в схрон и опустил сверху плетенку с воткнутым в нее кустом гнойной колючки. Наверняка волгоглавые заметили позицию сигнальщика, а значит, скоро будут здесь.

Он перевел на одиночный огонь выданный утром автомат, любовно погладил два запасных магазина с патронами. Как твердили караванщики, патроны мертвее даже тех мертвецов, которых порождает, но Лешага-то знал, что они любят заботу и ласку не меньше, чем кошки-крысоловки.

– Не подведите, хорошие, – прошептал он, прислушиваясь. Где-то вдали трещали сучья. – Лишь бы не учуяли.

По прорвам не скажешь, что они ищейки, но кто знает, на всякий случай запахов тут наворочено великое множество: и моча, и дерьмо, и семена ночной крылатки, которые отчего-то пахнут гниющим мясом, что привлекает ищущих добычу падальщиков. Старый Бирюк резину и ружейную смазку все одно учуял бы, испытано, а уж как эти...

Хруст ветвей приближался, воин прильнул к прорезанной в пеньке смотровой щели.

«Так и есть, заглотели наживку. Пучеглазый и четверо прорв. Где же Бурый-то?»

Он прикрыл глаза, оглядывая мир верхним зрением. Ночное время ему на руку, сейчас он видел много ясней, чем днем. Зверолюды уже были совсем близко к оборонительному валу. Должно быть, когда первые стрелы начали вырывать кого-то из их рядов, они сбавили ход, понимая, что внезапной атаки уже не получится, но теперь ринулись вперед с новой яростью.

Но где же Бурый? Он должен быть здесь, где-то совсем близко, как же иначе?

Ответа на этот вопрос не было.

«Ладно, так, значит, так. Что тут у нас? Один телохранитель прямо около пяточка серполиста, что совсем рядом, другой пятью шагами правее, Пучеглазый между ними, а еще двое там внизу, на скате. Что ж, хорошо стоят. И лежать будут хорошо».

Куст отлетел в сторону, пальцы Лешаги сомкнулись на щиколотке ближайшего волгоглавого. Рывок – отточенный нож, мягко войдя в брюхо клыкастой твари, вспорол его до самой грудины. Поворот – и вышедший из раны нож уже вонзился в горло второго охранника. «Теперь не зевай!» Потревоженный шумом Пучеглазый сделал попытку развернуться, но Лешага тенью скользнул ему за спину и набросил на голову врага мешок, все еще хранящий запах свежей земли. На помощь командиру уже бежали два его оставшихся пособника, но короткая очередь оборвала их бег.

И в то же мгновение оборонительный вал ожил, сотни выстрелов, где залпом, где вразнобой ударили навстречу мчавшимся прорвам. Не сбавляя шага, те по инерции пронесли еще несколько метров. Шмяк! Нога одного из них провалилась под землю и застряла между двух

утыканных кольшками деревянных пластин. Хрясь! Еще одна доска подскочила, ломая ногу бегущего в коленном суставе. А новые залпы все гремели навстречу захлебнувшейся атаке. И даже здесь, на холме, Лешага слышал победные крики чешуйчатых. Те палили и палили, не жалея патронов, тем самым вызывая у Лехи болезненную гримасу.

В отличие от вошедших в раж обороняющихся, он видел, что зверолоды больше не атакуют, не отступают, не прячутся, да что там, сами не знают, что делать. Без смысла, без всякого порядка бродят под выстрелами, то и дело бросаясь на тех, кто рядом, и попадая в ловушки и волчьи ямы. Скулят, огрызаются друг на друга, падают, обливаясь кровью, но им абсолютно нет никакого дела до селения и его жителей. Такого Лешаге прежде видеть не доводилось.

– Эй! – он дернул обмякшего в его руках пленника. – Ты там живой?

Пучеглазый слабо дернулся, выражая недовольство столь грубым обращением.

– Живой, – констатировал Леха. – Говори, паскуда, где Бурый?

Глава 6

Поселок кипел, сотрясаясь от радостного возбуждения. Оборонительная насыпь была густо утыкана кольями, на каждом из которых торчала отрубленная голова зверолода с оконечнейшей в последнем яростном оскале пастью. Тела жутких тварей валялись по ту сторону вала, ожидая решения своей посмертной участи. Пока же вокруг них, бросая камни в поверженных врагов, кружила чешуйчатая ребятня, отпугивая негодующих жесткокрылых падальщиков. Стража такое веселье удивляло, он помнил слова учителя: «После того, как враг убит, подумай, чему он научил тебя». В своем родном селении, казавшемся уже едва ли не вымыслом, Леха не понимал Старого Бирюка, но со временем привык мысленно возвращаться к ушедшим событиям, шаг за шагом восстанавливая их в памяти и стараясь понять внутреннюю логику, оценить действия как свои, так и противника.

Нынче он чувствовал себя глубоко разочарованным. Сотни убитых волкоглавых ничего для него не значили, как, впрочем, и уцелевшее селение. Но вот Пучеглазый... Еще совсем недавно Лешага надеялся, что, победив его, обретет прежнее спокойствие и, более того, найдет канувшего невесть куда побратима. Одного он достиг: пронзительный взгляд вялого уродца больше не преследовал его. Но Бурого не было ни среди мертвых, ни среди живых, а Пучеглазый – он безвольно, точно сгусток обтянутой кожей слизи, обвис в его руках там, на холме, и тихонько поскуливал, стоило лишь коснуться его пальцем. «Неужели это от него я так улепетывал, забыв себя, наставления учителя, бросив на растерзание Бурого? Что-то здесь не так». Препопанный урок не укладывался в голове, порождая все новые вопросы. Он своими глазами видел слаженное и четкое движение прорыв к оборонительной насыпи. Если бы те не были смертельными врагами, которых следовало как можно быстрее уничтожить, он бы залюбовался ими, а затем... Лишь несколько мгновений – и этот отряд, действующий, как единый, хорошо тренированный организм, вдруг развалился, подобно кучке горошин, выпавших из стручка: движения утратили смысл, атака превратилась в хаотическое блуждание под огнем. Что уж говорить о слаженности и последовательности действий?! Но почему?! Оттого, что он захватил Пучеглазого? Такой ответ можно было бы принять, когда б скулящий в углу, вздрагивающий при каждом шаге мешок оказался могучим воином, чье слово, чья сила и лучший пример собирали воедино скопище опасных, свирепых, но бестолковых тварей. Но ведь не так же! Этого Лешага понять не мог, и потому победа не радовала. Он хмуро глядел на чешуйчатую мелкотню, веселящуюся у вала.

Приближение чужака не застало его врасплох. Шаги были негромкими, осторожными, но чуть шаркающими. Леха без труда узнал их – Декан. Герой дня повернулся, уходя с линии атаки. Не то, чтобы опасаясь чего-то – годами въевшаяся привычка, не раз спасавшая ему жизнь.

– Ловко! – покачал головой чешуйчатый. – Я, кажется, шел бесшумно.

Воин невольно усмехнулся подобному заявлению. Как говаривал Старый Бирюк: «Для большинства людей бесшумно – это все, что тише водопада».

– Я вижу, победа тебя не радует.

Леха безучастно дернул плечом.

– Радует. У меня теперь есть автомат и патроны. Много патронов. Но, если волкоглавые еще когда-либо придут, и вы будете по ним палить, как сегодня на рассвете, очень скоро у вас патронов не останется совсем.

– Да, ты прав, – кивнул Декан. – Я хотел поговорить с тобой об этом.

– Хотел – говори.

– Зачем тебе идти куда-то? Здесь ты герой, и всегда будешь героем. Ты можешь взять любой дом, у тебя будет сколько угодно книг и все патроны, что у нас есть, – в твоих руках. Ты

правильно сказал, что зверолоды могут вернуться, никто толком не знает, сколько их, откуда приходят и кто руководит ими, одни лишь догадки. Научи мой народ тому, что умеешь и знаешь сам. Они будут послушны тебе, я обещаю. Понимаешь ведь, такое умение для нас жизненно важно.

Лешага все так же безучастно глядел на обезглавленные тела, в которые под радостные визги и вопли летели камни. Он представил себя на месте Старого Бирюка, взирающего на толпу вот таких вот учеников.

– О чем ты думаешь? – спросил Декан.

– Надо бы забрать их оттуда, – Леха кивнул на резвящуюся детвору. – Не ровен час, кто в волчью яму попадет.

Декан оскалил желтые клыки в радостной улыбке.

– Значит, ты согласен.

– Нет. Я ухожу.

– Но почему?! Если тебе нужна женщина, ее можно выкупить у караванщиков. Ты получишь достаточно вещей для обмена.

– Бурого здесь не было, – не вслушиваясь в речи собеседника, бросил Леха.

– А если они убили его, что тогда?

– Я уничтожу волкоглавых.

– Всех?

Лешага не ответил.

– Ты знаешь, кто они, где их искать?

– Узнаю. Если тебе что-то известно – расскажи.

Донельзя раздосадованный отказом, Декан молчал, должно быть, ища убедительные слова, чтобы изменить решение героя. Молчание длилось несколько минут. Потом он крикнул что-то мальчишкам у насыпи на гортанном, непонятном языке, и те бросились врассыпную от сваленных в кучи безголовых тел.

– Ладно, – он повернулся к спасителю поселка, – в конце концов это наши общие враги. В рукописи первого Декана, начатой им еще до Того Дня и законченной на исходе его лет, говорится, что, когда селение было огромным городом, там, – Декан махнул рукой, указывая направление, – в нескольких сутках пешего хода отсюда, располагалось тайное селение под названием «База». Им правил Комендант. Это чудовище в людском обличье решило вывести породу неких человекообразных существ, которые могли бы стать храбрыми, сильными, яростными и, главное, легко управляемыми солдатами. В те времена очень многие считали позорным учиться военному делу, матери жалели детей, жены – мужей, сестры – братьев, и те настолько прониклись жалостью к себе, что думали, будто нет во всем мире ничего ценнее их жизни.

Тот День в один миг доказал обратное. Но еще до него Комендант успел-таки вывести породу совершенных бойцов. У них имелся лишь один недостаток – они были настолько свирепы, что рвались затеять свару безо всякой причины, лишь бы терзать, убивать и калечить. Они не щадили даже сородичей. Несли гибель, совершенно не понимая, ни для чего это делают, ни что будет потом. Наградой зверолодам была пролитая кровь врага, а врагом – любой, оказавшийся на пути. Им нужен был приказ, четкий и недвусмысленный, иначе никому из них не было ни до чего дела, кроме вида растерзанных тел.

– Кто же отдает приказы?

– Прежде я думал, что Пучеглазый. – Декан пожал плечами. – Может, и так, но, похоже, он сам откуда-то получает их.

Они вновь стояли молча, думая каждый о своем.

– Тогда зачем им Бурый? – наконец прервал затянувшуюся паузу Лешага.

– Не знаю, и не уверен, что хочу знать.

– И то верно, – согласился ученик Старого Бирюка. – Хорошо, я забираю оружие, книги...

– Там Зарина сшила для тебя одежду, – перебил его чешуйчатый. – Хорошая, крепкая, такая пятнистая. В лесу, в поле в глаза не бросается. Говорит, что ты свою всю разодрал, когда с живоглотом сражался. Прими в подарок, она это сделала от всей души.

Лешага кивнул.

– Хочешь выбрать книги?

– Да. – Воин начал спускаться с вала. Предвкушение особой охоты, бескровной, но вместе с тем ни с чем не сравнимой, уже переполняло его. Он предчувствовал, как одну за другой станут открывать книги, вчитываясь в ровные строки, вглядываясь в схемы и картинки, стараясь вникнуть в тайную суть чертежей и формул. «Там их тысячи, – думал он с радостным возбуждением. – И можно взять любые».

Бурый появился в его голове внезапно, так что Леха чуть не оступился, чего не случилось с ним уже много лет. Он звал его негромко, почти шепотом, как раненый просит глоток воды, зовет кого-то, ведомого лишь ему, не видя ничего кругом, не понимая, что происходит. Лешага поймал это чувство на вдохе и тут же попытался отыскать побратима верхним зрением, но тот был уже слишком далеко, увидеть его не получалось. С досадой страж мысленно вернулся к оставленному лагерю прорв, виденному им два дня назад. Вероятно, ушли оттуда. Надо отыскать его, найти следы, а значит, для долгой охоты времени нет. Как можно быстрее надо собираться и уходить.

– Лешага! – услышал он голос Марата. – Ну что, ты остаешься?

– Ухожу.

– Тогда я с тобой.

– Нет. Я иду один.

– Вот еще! – возмутился юнец. – Мы же напарники, мы вон как звероловов разукрасили, – он кивнул на частокол с отрубленными головами.

– Один иду! Что непонятно?

– В одиночку Темного Властелина не одолеть. Вместе пойдем. Так надежней, да и веселее. Я хоть сейчас готов в дорогу. У меня теперь даже собственный короткоствол имеется. И патроны к нему. Сам Декан вручил. За то, что я тебе геройски помогал.

Лешага скривился, мучительно изображая улыбку, и, не говоря ни слова, отодвинул стоящего на пути соратника.

– Ну, зря ты так! Я тебе там, между прочим, книги отобрал, хорошие, может быть, даже самые лучшие. Ну, Лешага, ну что ты, в самом деле? Разве я не правду говорю? Я же еще не всему научился, ведь так?

Воин смерил чешуйчатого насмешливо-изучающим взглядом, махнул рукой и зашагал в сторону деканата.

* * *

Дороги не было. Возможно, здесь ее не было никогда. Но ученику Старого Бирюка, как, впрочем, и волкоглавым, шедшим этим путем совсем недавно, она была не нужна. Леха чувствовал выдыхаемое камнями тепло сотен когтистых лап и шел по нему, как по натоптанной тропе. Сшитая Зариной одежда действительно оказалась прочной и удобной, а зеленые, бурые и черные пятна, разбросанные то здесь, то там по штанам и куртке, ему казались очень даже красивыми. Автомат и полные магазины патронов отдавались приятной, греющей душу тяжестью, так же как вещмешок с книгами и одеждой за спиной. От всего этого было приятно и радостно. И даже несносный драконид, бредущий за ним следом, не вызывал особого раздражения. Он тащился уже много часов кряду, стараясь не терять Леху из виду и в то же время не попадаться на глаза. «Упорный, – отметил воин, с непонятным удовлетворением, – и храбрый».

Отметил, но ходу не сбавил, так и скользил, чуть пригнувшись, размашистым волчьим шагом, внимательно обшаривая взглядом дикие, поросшие кустарником гнойной колочки холмы. Марат за его спиной старался двигаться скрытно, но его порывистое дыхание было слышно Лешаге, пожалуй, отчетливее, чем собственное. «Устанет – сам уйдет. Интересно, сколько еще продержится?» – он притормозил, наклонился, точно поправляя шипастый понож из шкуры живоглота, и скосил глаза назад. Чешуйчатый еле брел, широко открыв пасть и хватая воздух, отчего-то вдруг ставший густым и обжигающим легкие. До вечера точно не дотянет. Рухнет где-нибудь. Ну да ничего, прорв рядом нет, а все прочие сами не рискнут сунуться.

Когда сумерки окончательно размыли контуры предметов и дневной жар сменился холодом, Лешага решил сделать привал. Найдя затянутое ряской болотце, одно из многих, оставшихся после Того Дня, он развел неподалеку костер в неглубокой яме с отведенным в сторону, чтобы не привлекать чужаков, выходом дыма, достал из вещмешка рукав старой брезентовой куртки, набросал в него слоями песок, золу, мелкие камешки, затянул, оставив маленькое отверстие, набрал болотной воды в флягу и начал струйкой проливать ее сквозь получившийся фильтр.

– Лешага! – послышалось из кустов. – Можно и мне воды. Пожалуйста...

Леха усмехнулся.

– А что ж из кочарника³ не пьешь?

Марат с виноватой физиономией выбрался на прогалину к костру.

– Там же эти, пиявки, они могут выпить всю кровь. И водяной с кикиморами.

– Кикимора – это та накидка, в которой ты вчера бегал, – отозвался страж.

– Нет, кикимора – прислужница Темного Властелина. Она топит людей, а потом их Властелин к себе в чертог забирает и делает из них прорв, – уверенно заявил юнец, снимая обувь и закидывая повыше на поваленный ствол гудящие от долгой ходьбы ноги.

– А что такое чертог? – заинтересовался Леха.

– Знаю только, что в нем черти водятся, они Темного Властелина охраняют, – с превосходством в голосе объяснил чешуйчатый. – А черти – это самые отборные из волкоглавых.

Лешага только хмыкнул и отпил из котелка, начисто игнорируя умоляющий взгляд Марата.

– Лешага, а мне?

– Кикимор бояться – воды не пить. Чего с собой не взял?

– Я брал, но уже всю выпил. Ты очень быстро ходишь, – с восхищением и затаенным укором признался драконид. – Ну, дай глоточек, жалко что ли?

– Закон Дикого Поля запрещает тому, у кого есть вода, отказать в глотке умирающему от жажды. Но тот, кто не умеет добыть себе воды, долго не живет. Хуже того, он умирает от жажды даже на берегу. О кикиморах лучше никому не говори – засмеют. На, пей, – Лешага направил текущую из затянутого рукава струйку в рот юному искателю приключений и, дождавшись, когда тот удовлетворенно отвалится, спросил: – Ты зачем увязался за мной?

– Я уже говорил, – упрямо напомнил повеселевший юнец.

– Говорил, и я тебе ответил.

Чешуйчатый уселся по другую сторону костра.

– Лешага, ну что тебе стоит?! Ну, вот честное слово, я буду тебе полезным, я тебе всегда пригождаюсь. Мне очень надо стать таким, как ты.

– Будешь побеждать Темного Властелина?

– И это тоже, – глядя на огонь, кивнул Марат.

– А если тоже, то что еще? – Леха даже немного заинтересовался.

Драконид сделал вид, что не услышал.

³ Кочарник – болото.

– Лешага, скажи, только правду, тебе нравится Зарина?

Ученик Старого Бирюка только захлопал глазами, не находя слов.

– Ну, она хорошая. Много знает. Вот какую одежду сшила, – неуверенно ответил он.

– Ну да, – со вздохом подтвердил юнец. – Она от тебя без ума, я ведь вижу.

– Чего-чего?! – у Лехи перехватило горло. – Ты что такое выдумал?!

– Что слышал, – огрызнулся Марат. – А я без ума от нее. Но она только смеется и говорит, что я еще совсем зеленый, а я вовсе даже не зеленый! – глядя на скептическое выражение лица своего кумира, юнец спешно добавил: – Ну, разве что совсем чуть-чуть. Вот если я научусь быть таким, как ты... Ведь правда же, такая, как Зарина, – в голосе юнца слышалась мечтательность, – должна быть рядом с настоящим героем! Вот как был Арвен рядом с Арагорном!

– Это еще кто?

– Давай завтра, – пробормотал зевающий чешуйчатый, – когда дальше пойдем, я тебе расскажу, извини, так умаялся, глаза слипаются.

Если бы Леха и стал возражать, то скорее всего без особого успеха. Уставший за день драконид заснул, не договорив. Просто уткнулся головой в колени и завалился на бок, разомлев от тянущегося по земле тепла.

– Эх, – махнул рукой бывший страж, с невесть откуда взявшейся беззлобной, насмешливой улыбкой глядя на сопящего во сне Марата. – Куда ж с таким тащиться-то? И шли-то всего ничего, от полудня до заката, а вон как вымотался. – Он вдруг поймал себя на мысли, что уже думает о юнце как о своем будущем спутнике. – Нет-нет, утром, чуть рассветет, надо, подальше от беды, отослать его обратно. Если так-то чуть жив, то уж дальше соваться и вовсе резона нет.

Он махнул рукой, достал из вещмешка тонкие длинные плетеные струны из жил убитого им живоглота. Чутье подсказывало, что где-то здесь, таясь в лесу, обитают мелкие, но вполне съедобные зверьки. В своих прежних странствиях он таких не видел и не чувствовал, но в принципе мог описать. Немного крупнее большой речной крысы, не хищные, питаются всем, чем попадется: травой, корнями, зерном... Он быстро связал затягивающуюся петлю, примотал ее к согнутой ветке, зацепил за воткнутый в землю сучок, положил в середину кусок лепешки, прихваченной из селения. «Надо будет сделать таких несколько. Поставлю вокруг лагеря, не помешает».

* * *

Утро опять началось до рассвета, с возмущенного стрекотания пойманного зверька. Тот висел на раскачивающейся ветке, суматошно размахивая лапами, щелкая торчащими из пасти двумя длинными, тупыми клыками.

– Это же байбак! – невесть чему обрадовался Марат. – Он безвредный.

– Нет, – отвязывая от ветки силок, покачал головой Леха. – Он не безвредный, он полезный. Мы его съедим.

– Зачем, мы же захватили лепешки и вяленое мясо? – недоумевал юнец.

– Сухой паек еще долго не испортится, и свежати́на всегда лучше.

– Но он же такой смешной! – чуть было не взмолился Марат, умиленно разглядывая негодующего толстобрюхого зверька.

– Вы же человечину ели!

Мальчишка вскочил, ожесточенно размахивая чешуйчатыми руками.

– Ели, это давно было! Сейчас другое время! В нас же драконья кровь – поедать врагов в нашем обычае. Но мертвых и врагов! А байбак – не враг.

– Убей его и освежуй, – Лешага протянул дракониду вырывающийся завтрак, пытающийся избежать уготованной ему участи. – А я воды наберу.

Он снова достал брезентовый рукав и начал выгребать золу из костра. Вернулся Леха быстро, едва наполнил свою и Маратову фляги да смыл с лица остатки ночного сна. Мальчишка сидел на корточках, старательно глядя на огонек, пожирающий шалашик из тонких веточек.

– Где байбак? – подозревая недоброе, спросил ученик Старого Бирюка.

– Убежал, – не поднимая глаз, сообщил юнец. – У него на задних лапах такие когти, вывернулся и убежал.

– Убежал, говоришь? – страж неспешно подошел к вещмешку чешуйчатого, развязал и вытряхнул содержимое на землю.

– Что ты делаешь?

Лешага молча отложил надкусанную лепешку, несколько длинных пластин сушеного подкопченного мяса, покрутил в руках небольшой короткоствол со звездочкой на рукояти, осмотрел запасную обойму к нему, хмыкнул и бросил обратно в мешок.

– Что ты делаешь?! – вновь закричал драконид, предчувствуя недоброе.

– Это я беру себе, – пояснил воин, завернул в какую-то тряпицу мясо и хлеб и сунул в карман. – Остальное твое. Вот тебе вода – ступай назад.

– Это что – все из-за какого-то байбака?! – возмутился Марат.

– Беги домой, иначе ты сдохнешь в пути. Из-за какого-то байбака, – сухо отрезал Леха. – Возвращайся, ты и так далеко зашел. Иди к Зарине.

– Не говори, что мне делать! Раз не хочешь учить меня, значит, мы сами по себе. Я просто иду в туже сторону, что и ты.

Ученик Старого Бирюка покачал головой.

– Ну-ну. Иди. Пообедаешь тем мясом, что нынче отпустил.

– Ну и пообедаю! – хмуро огрызнулся мальчишка.

Страж молча зашнуровал поножи и наручи, проверил крепление ножей и, не оглядываясь, зашагал в сторону оставленного совсем недавно прорывами лагеря. Марат плелся за ним. Изредка до Лешаги доносились всхлипы и обиженное ворчание. Он вспомнил, как много лет назад вот так же тащился за Старым Бирюком, не рискуя обсуждать с побратимом накопленные за день обиды. Наставник шел молча, словно забыв о них, утопающих по колено в снегу, едва-едва различающих мелькающий впереди темный абрис широкой спины немногословного учителя. За три дня пешего похода он, кажется, вымолвил только одно слово: «Плохо». И, конечно, имел в виду не погоду и не самочувствие.

Сегодня было тепло, и солнечный жар казался вполне терпимым, благодатные тучи медленно ползли блекло-голубым небосводом, словно тучные коровы на выпасе. Как Леха и ожидал, лагерь оказался пуст. Несколько заброшенных кострищ и то самое место, где стоял шатер. Леха припал всем телом к земле, вслушиваясь и внюхиваясь, каждым сантиметром кожи стараясь ощутить след Бурого. След чувствовался, очень слабый, но все же явный, вовсе не похожий на следы волкоголовых тварей. На мгновение ему даже показалось, что он увидел небольшую, всего дюжина самцов, прорвью стаю, ведущую невесть куда толпу пленников, и между ними привязанного к телеге, стянутого ремнями по рукам и ногам побратима. Воину показалось, что он увидел еще кого-то, но лишь со спины. И в тот миг, когда он попытался обогнать неизвестного, взглянуть ему в лицо, словно туман затянул округу. Черно-серый густой мрак, перекатывающийся валами, точь-в-точь едкие зловонные облака, когда жгут обувки от колес.

Ему однажды довелось видеть такое: у границ Мосбунка: раздольники пытались напасть на откочевавших к дальним выпасам скотоводов, однако те, недолго думая, подпалили целую пирамиду таких вонючих круглых шуток, загодя оставленных у места ночевки. Впрочем, тогда он и вовсе не знал, для чего еще они могли предназначаться. Дым, поднявшийся над степью, оказался до того ядовито-гнусным, что дыхание перехватывало. Отчаявшись закончить дело внезапным нападением, раздольники благоразумно отступили. А тут еще на помощь ему и Бурому подтянулся сторожевой отряд из Бунка, так называемый омон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.